

Въ новомъ крѣпостномъ положеніи ихъ все согласно направляетъ къ дѣятельности противоположныхъ свойствъ. Рѣдкой изъ нихъ не удается сдѣлаться матерью еще на дорогѣ; ни одной не привелось еще, за недостаткомъ женщинъ, остаться въ безбрачій. За мужемъ и надъ дѣтьми для каторжной женщины прекращаются все пути къ крупнымъ преступленіямъ и остаются торныя дороги только для воровства и прелюбодѣянія.

Г Л А В А VIII.

ПРЕСТУПНИКИ ПРОТИВЪ ВѢРЫ.

(Святотатцы.—Преступность духовенства.—Гробокопатели.—Колдуны.—Богохуленіе.—Отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры.—Ересь и расколъ.—Скопцы.—Церковные воры въ Сибири и Россіи.—Богрядскій-гробокопатель.—Распявшійся на крестѣ фанатикъ.—Скопцы въ Сибири.—Хлысты.—Хлыстовщина въ монастырѣ.—Субботники.—Духоборцы.—Щельники.—Охохонцы.—Молокане.—Старовѣры.—Масляниковъ.—Отшельникъ.—Алтайскіе старовѣры.—Семейскіе старовѣры за Байкаломъ.—Витвы за попомъ.—Часовенная Сибирь.—Духовенство въ Сибири.—Заводское духовенство.—Филипповъ.—Расколъ въ Сибири.—Причины его и развитіе.

Сибирь, какъ громадная тюрьма, вмѣщающая все наличное количество пойманныхъ и осужденныхъ преступниковъ, могла бы, повидимому, давать данныя для повѣрки нравственнаго уровня Россіи, но на самомъ дѣлѣ этого не только нѣтъ, но и предположить какую либо возможность подобной повѣрки не представляется въ настоящее время никакихъ данныхъ. Въ Сибири записываютъ наличное число приходящихъ преступниковъ по такой же системѣ, по какой ведутъ счеты принятому товару въ пакгаузахъ, ограничиваясь отгѣткой времени приѣма, количества мѣстъ, и заботливо заносятъ въ книгу только номера тюковъ. О содержаніи принятаго и о другихъ любопытныхъ подробностяхъ не заботятся. Составлялъ образцы для книгъ старый подъячій, посѣдѣвшій на рутинныхъ приѣмахъ и высидѣвшій примѣтное равнодушіе и нескрываемую ненависть ко всему живому. Ко всему тому, что возбуждаетъ интересъ науки и служитъ ея достоинствомъ, у этого писца полнѣйшее неуваженіе и преднамѣренное недоверіе. Временами онъ уступалъ настойчивымъ требованіямъ и начиналъ записывать толковѣе, но вскорѣ затѣмъ опять сводилъ на свое и снова писалъ зря, придерживаясь приѣмовъ старой рутины и образцовъ, завѣщанныхъ его сѣлыми и отписывавшими свой вѣкъ предшественниками.

На этотъ разъ, такъ же какъ и въ тысячахъ другихъ случаевъ, въ столкновеніи интереса науки съ казенною практикою замѣчается обоюдный разладъ и огромное отчужденіе. Старый подъячій, разумѣется, не догадался самъ и не былъ возбужденъ другими къ тому, чтобы остановиться и подумать, насколько примѣнны къ дѣлу и пригодны для практическихъ и поучительныхъ выводовъ его длинныя и скучныя записи. Отсюда произошло то, что прежде онъ писалъ даже какъ будто толковѣе и, напримѣръ, въ убійствахъ умѣлъ отдѣлять отцеубій-

ства, дѣтоубійства, убійства мужей женами, жень мужьями,—затѣмъ все это сблизъ въ одну кучу подъ фирмою умышленнаго убійства и успокоился, придумавъ отдѣлъ убійства случайнаго. Точно также писалъ онъ, для ускоренія акта писанія и для пущей темноты разумѣнія, всѣхъ преступниковъ противъ вѣры въ одну графу. Прежде отдѣлялъ онъ все роды этого преступления и зналъ число отступниковъ отъ господствующей вѣры и число отвлекавшихъ отъ нее, зналъ и различалъ святотатцевъ, колдуновъ и принявшихъ ложную присягу; отдѣлялъ богохуленіе и порицаніе вѣры и велъ отдѣльный счетъ разрывшимъ могилы. Перемудрило ли тутъ новое начальство, какъ не домудрило старое, оба, повидимому, руководившія высшими взглядами,—и теперь, за давностью, опредѣлять трудно и излишне. Результаты невыгодны тѣмъ, что къ такимъ уголовнымъ хроникамъ и статистическимъ выводамъ, къ какимъ пришли европейскіе криминалисты, у насъ легко и скоро не подойдешь. Ученныя общества съ одной стороны, а съ другой, казенныя учрежденія—это два незнакомца, случайно встрѣчающіеся на улицахъ и безучастно проходящіе мимо другъ друга, каждый своею дорогою. Въ Tobольскѣ, гдѣ принимали ссыльных и записывали ихъ преступленія, не могли указать, напримѣръ, на то, какія нанчаше употребляются орудія для убійствъ, какое время предпочитали для кражъ, какіе способы мошенничества приняли господствующую форму, чтобы при случаѣ можно было обществу встать въ оборонительное и охранное положеніе. Не объяснять и въ Тюмени, что грабежи совершаются товариществами въ извѣстныхъ мѣстностяхъ нанчаше всего, что разбои находятъ мѣсто и пищу себѣ при такихъ-то общественныхъ и экономическихъ условіяхъ и проч. Не говоримъ уже о мелкихъ, повидимому, частно-

ствахъ, однако, серьезныхъ настолько, что, напримеръ, Кетла сумѣлъ изъ нихъ выработать вѣские и поучительные выводы, о которыхъ мы нигдѣ неоднократно случаи говорить.

Впрочемъ, Сибирь не въ состояніи представить мѣрку для нравственной оцѣнки Россіи и потому еще, что существующій тамъ приказъ о ссылныхъ ведетъ счетъ только тѣмъ преступникамъ, которые приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь. Многіе остаются въ Россіи по особеннымъ соображеніямъ судовъ и администраціи. Останавливаясь на преступникахъ противъ вѣры, мы должны помнить, что для таковыхъ имѣются мѣста заточеній и въ Россіи, каковы монастыри, между которыми тюрьмы при Спасо-Евфиміевомъ въ Суздальѣ и Соловецкомъ монастыряхъ занимали главное мѣсто. Извѣстную хлыстовскую богородицу Ульяну Васильеву, послѣднюю отрасль знаменитаго Даниила Филиппова, перваго хлыстовскаго бога *), лица полумонашескаго, смирили монастыремъ (дѣвичьимъ) Пермской губерніи; извѣстнаго пропагандиста старообрядцевъ Папулина — Соловецкимъ заточеніемъ и т. д.

Въ расчетѣ на то, чтобы, до нѣкоторой степени, объяснить степень вліянія каторги и ссылки на нравственные и религиозныя убѣжденія сосланныхъ въ Сибирь, мы останавливаемся на извѣстной намъ таблицѣ тобольскаго приказа, имѣющей важное значеніе потому, что она, во первыхъ, считаетъ сосланныхъ въ Сибирь, а во вторыхъ, считаетъ ихъ вѣрно, нѣсколько разъ пересчитываетъ и провѣряетъ. По этой таблицѣ, наказанные ссылкой грѣшники опредѣлились въ слѣдующихъ числовыхъ отношеніяхъ.

Самая крупная цифра принадлежитъ святотатцамъ, вторая—сосланнымъ за отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры и третья—ссылнымъ за богохуленіе и порицаніе вѣры.

Святотатцы въ большомъ числѣ завинялись въ Северо-Западномъ краѣ, гдѣ православіе, обезличенное униєю, но не побѣжденное католичествомъ, должно было вести борьбу съ тою массою религиозныхъ предрасудковъ и суевѣрій, которые достались тамошнему русскому народу въ наслѣдіе отъ предковъ. Здѣсь, въ этой странѣ, во время давней борьбы о преимуществѣ господствующихъ исповѣданій, въ которой народъ высказался (по сравненію съ малороссійскимъ) полнымъ равнодушіемъ, суевѣрія убереглись въ такой массѣ, въ какой они уже не являются нигдѣ въ русскомъ народѣ, населяющемъ громадную равнину Русскаго царства. У русскихъ въ Северо-Западномъ краѣ остатокъ народныхъ вѣрованій настолько крупны и серьезны, что несомнѣнно обличаютъ древнее происхожденіе отъ языческаго славян-

*) Существованіе его, помимо хлыстовскихъ преданій, не доказано никакими историческими документами.

скаго культа, и до того многочисленны, что представляютъ вѣроятіе возстановить эту древнюю славянскую языческую вѣру въ цѣльномъ видѣ. Когда въ Великой Россіи тому же наслѣдію предстояло великое испытаніе въ пропагандѣ монастырей и обезсилилось, сверхъ того, оно отъ примѣчательной подвижности племени, дававшей возможность общена вмѣстѣ съ продуктами и мыслей,—въ Бѣлой Россіи изолированное положеніе народа и его неподвижность на то же наслѣдіе произвели противоположное вліяніе. Бѣлорусскій народъ лучше сохранился въ прародительскомъ видѣ и бережно донесъ до нашего времени стародавній до-христіанскій законъ предковъ. Великорусскій народъ умѣлъ отъ общенія съ инородцами сгнѣшать наслѣдство съ новыми приобрѣтеніями и обезличить то, что у бѣлоруссовъ является почти въ безпримѣсномъ и цѣльномъ видѣ. Великоруссы успѣли за вѣру и въ дѣла разбѣжаться, и въ ту же Бѣлоруссію кинуться, и Сибирью, и Новорусскимъ краемъ, и Предкавказьемъ и Закавказьемъ былъ наказанъ. Умѣлъ онъ броситься на дѣламъ вѣры и въ крайность мистицизма (духоборцы), и въ крайность особаго и болѣе строгаго вида язычества (хлысты и скопцы). Попытался сгнѣнить вѣру отцовъ на обрядовую ветхозавѣтную (суботники) и на безобрядную вѣру послѣднихъ трехъ вѣковъ (молокане). Бѣлоруссы оставались неподвижны. Въ его провозгласилась борьба православнаго и римско-католическаго исповѣданій, коснувшись его только въ той мѣрѣ, что, не обезличивъ и мало обезсилить старую славянщину, являетъ передъ нами законный и правильный результатъ безразличія и холодности. За отступленіе отъ вѣры и совращеніе, за ересь и расколъ—нѣтъ ни одного ссылнаго; за святотатство—самое большое число. За это преступленіе шли именно изъ тѣхъ губерній, гдѣ больше всего, въ послѣднее время, велась католическая пропаганда, успѣвшая охладить въ глазахъ нетвердаго въ христіанскихъ догматахъ народа все то, что дорого истинно вѣрующему вообще на Руси, отъ храмовъ и церковнаго имущества до могилъ умершихъ и ихъ погребальныхъ савановъ. Въ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846) за святотатство сослано было изъ западныхъ губерній 124 муж., 24 жен., т.-е. почти $\frac{1}{2}$ часть количества всѣхъ сосланныхъ изъ всей Россіи по отношенію къ мужчинамъ (124 на 389 чел.) и почти $\frac{1}{2}$ по отношенію къ женщинамъ (24 на 53). При этомъ Виленская губернія дала 29 м., 12 ж., Минская 24 м., 6 ж., Витебская 22 м., 4 ж., Подольская 26 м., съ тѣмъ, можетъ быть, „ослабляющимъ вину обстоятельствомъ“, что на этотъ разъ святотатство обезличивается до извѣстной степени въ простое воровство и тѣмъ болѣе въ этой странѣ, гдѣ безчисленныя дѣ-

шенія и повсюдная бѣдность разлиты въ примѣчательномъ обилии среди загнаннаго и угнетеннаго народа. Неурожай—ежегодное явленіе въ той или другой мѣстности лѣсного и мокраго края. Урожай, кромѣ немногихъ счастливыхъ оазисовъ, даетъ такое количество сбора, который всегда недостаточенъ для прокормленія мѣстнаго населенія, съ давнихъ временъ знакомаго со множествомъ хлѣбныхъ суррогатовъ *).

Странный родъ преступленія, каково разрытіе могилъ, явившееся въ немногихъ случаяхъ съ объясненіемъ („ограбленіемъ мертвыхъ тѣлъ“), увело жертвъ народнаго суевѣрія, жертвъ ничтожныхъ по общей численности (12 человекъ въ 9 лѣтъ), также въ большинствѣ изъ западныхъ губерній (по 3 человека изъ Гродненской и Кіевской, 2 изъ Витебской и 1 изъ Волинской). Цифры эти, указывая, такимъ образомъ, на существованіе особаго промысла воровъ, имѣющаго въ понятіи великорусскаго народа значеніе святотатства, въ то же время свидѣтельствуютъ и о крайней его исключительности, а по отношенію къ Сѣверо-Западному краю принимаетъ онъ особый характеръ, чѣмъ въ Великой Россіи, неизмѣнный до нашихъ дней.

Уголовныя характеристики сьумѣли указать на основной принципъ, руководящій этимъ преступленіемъ, и отдѣлили изъ общаго числа преступниковъ тѣхъ, которыхъ побудила корысть и стяжаніе одежды и украшеній, полагаемыхъ во гробъ по прадѣдовскимъ обычаямъ, отъ тѣхъ, которыхъ увлекало къ преступленію странное и печальное суевѣріе. Тогда въ понятіяхъ опредѣлялись оба вида. Въ Россіи тогда выяснялся на этомъ преступномъ промыслѣ солдатъ-дезертиръ, испортившійся въ казармѣ и оголодавшій въ бѣгахъ, дѣйствовавшій преступно въ тѣхъ губерніяхъ (каковы, по нашимъ даннымъ, Казанская, Пермская и Пензенская), гдѣ инородцы, а особенно татары, любили снабжать трупы и гробы умершихъ самыми дорогими одеждами и украшениями. Такъ точно, и тогда же, приметъ это преступленіе другой видъ по отношенію къ губерніямъ сѣверо-западнымъ, гдѣ поводомъ къ преступному дѣйствию служить суевѣріе, основанное либо на мистической необходимости,

*) Сибирскія табели и въ послѣдующіе годы продолжаютъ увеличивать число святотатцевъ на сторону тѣхъ же губерній. Возьмемъ на выдержку: въ 1854 году сослано 10 изъ Гродн., 9 Минск., 6 Весс. обл., 5 Кіевск.; въ 1855—8 Вит., 10 Мнск.; то же самое отсрывается и по сравненіи цифръ за 20 лѣтъ (съ 1827—46 гг.), которое приводитъ къ тому главному выводу, что по всей Россіи нигдѣ святотатство не развито такъ сильно, какъ въ губ. Минской (58 м., 8 ж.) и Витебской (42+7), Московск. дала 53+2, Владим. 41+7, Кіевск. 46+4, Костр. 28+2, Новгор. 29+2. За то, какъ во всѣхъ этихъ губерніяхъ западнаго края, такъ равно и малороссійскихъ, процентъ сосланныхъ за чисто-религіозныя преступленія замѣчательно слабъ, даже ничтоженъ.

выкопать трутъ, отнять голову, чтобы обнести ее кругомъ селенія для прекращенія скотскаго падежа на тотъ случай, если не рѣшится какая нибудь женщина голою объѣхать верхомъ на лошади вокругъ деревни. Либо суевѣріе основывается на приготовленіи свѣчи-невидимки, которая дѣлаетъ лицо, приготовившее свѣчу, невидимымъ для тѣхъ, кого оно вздумаетъ обворовать, и которую необходимо готовить именно изъ жиру умершаго колдуна, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ сложныхъ, но исполнимыхъ, мистическихъ приготовленій и обрядовъ.

Взаимное недоразумѣніе, обоюдный обманъ (суевѣрнаго грѣшника) сьумѣли выгородить этихъ преступниковъ, ожидающихъ лекарства отъ церкви и, на худшій конецъ, отъ больницы психіатра, чтобы сослать въ Сибирь вмѣстѣ съ ними и такихъ людей, на судьбѣ которыхъ снова встрѣтились обманъ и вѣра въ черта и всякую нечистую силу. Въ сибирскихъ табеляхъ явились колдуны.

Колдовство признано за преступленіе, обрѣкающее на изгнаніе и предполагающее въ сѣмкѣ исцѣленіе. Въ этомъ случаѣ что нибудь изъ двухъ: или мы настолько просвѣтились, что стали различать врача-шарлатана отъ настоящаго мастера своего дѣла, или вѣрнемъ черту, съ которымъ спознался чародѣй-колдунъ. Конечно, такъ называемый колдунъ не имѣетъ возможности украшать свою пріемную предметами вовсе ненужными, но возбуждающими уваженіе и довѣріе въ пациентѣ. Тѣмъ не менѣе, не можемъ отрицать, что въ большинствѣ этого рода шарлатановъ живетъ глубокая вѣра въ собственную силу, исходящую изъ личнаго убѣжденія и укрѣпленную постояннымъ довѣріемъ массы. Едва ли подобный человекъ больше шарлатанъ и обманщикъ, чѣмъ тѣ, которые нарядка налетаютъ къ намъ изъ Европы; едва ли онъ не настолько же убѣжденъ въ себя, какъ и всѣ остальные убѣжденные и убѣждаемые въ своемъ врачебномъ знаніи. На самомъ дѣлѣ, колдунъ—представитель той медицины, которая извѣстна была древнимъ и перешла къ русскимъ отъ шамановъ, называвшихся въ старину „волхвами“ и „кудесниками“. „Колдунъ“—лекаръ, у котораго большая часть лекарствъ дѣйствуютъ какъ симпатическія средства и ни одно изъ нихъ не крушитъ болѣзни безъ таинственной обстановки и многосложныхъ суевѣрныхъ обрядовъ. Нонятно, что попасть онъ въ Сибирь потому, что плель на себя въ судѣ напраслину, которую самъ не считалъ таковою, и не жалѣлъ себя, щадя прежнюю славу и будущую славу послѣдователей и товарищей. Попался онъ потому, что не былъ такъ ловокъ, какъ другіе, и подвернулся подъ ударъ судьбы на время случайныхъ народныхъ бѣдствій, когда народъ его околотка, озлобленный несчастными неурожаями и повальныхъ бовѣзней и растеряв-

шійся отъ нихъ, вышелъ изъ себя, измѣнилъ себѣ до того, что предалъ нужнаго человѣка въ руки казенныхъ судей и на судъ уголовныхъ законовъ. Впрочемъ, такихъ случаевъ было немного и колдуновъ все-таки оберегаетъ народъ про себя.

По приговорамъ прежнихъ судей, въ числѣ другихъ преступниковъ, ушедшихъ въ Сибирь за преступленія противъ вѣры, меньшее количество палокъ выпало за богохульство и порицаніе вѣры (въ 9 лѣтъ 21 челов.), нѣсколько больше (31) за отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры, и всего больше (59) сослано за ересь и расколъ. По первому роду самое большее число шло изъ губерніи Пермской. По второму виду религиозныхъ преступленій (отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры) цифра представляется большою на сторонѣ мужчинъ и ничтожною на сторонѣ женщинъ (хотя, на самомъ дѣлѣ, бываетъ наоборотъ), а въ общемъ цифра явилась одною изъ самыхъ малыхъ по сравненію съ иными по всѣмъ другимъ родамъ. Повсюдные факты говорятъ противное и сибирскую цифру можно объяснить тѣмъ, что изъ отступниковъ шли сюда только тѣ, которые жили въ мѣстностяхъ, издавна пользующихся какъ бы привилегіею, по дѣламъ вѣры, на ссылку въ Сибирь. Оттого крупнѣе цифра явилась на губерніяхъ Тифлисской и Ставропольской, какъ такихъ, которыя предназначены были правительствомъ для поселенія всякаго рода сектаторовъ. Объяснилась величина цифры (хотя, сравнительно, меньшая) въ губ. Тамбовской (въ которой, прежде другихъ, обнаружился молокане) и Таврической (куда перевело правительство всѣхъ замолочанившихся, духоборцевъ и суботниковъ, поселивъ ихъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, на урочищѣ „Молочныя Воды“). Пойманы вѣроотступники и въ землѣ черноморскихъ казаковъ, гдѣ сильно бродитъ религиозная пропаганда. Сосланы увлеченные и увлекашіе изъ губ. Симбирской, куда устремилось молоканство, до сихъ поръ путешествовавшее по степямъ, и изъ Тобольской, гдѣ на всякое увлеченіе и на всякое преступленіе всегда находится не одинъ отвѣтчикъ.

Третій родъ религиозныхъ преступленій, расколъ и ересь, отвѣчаетъ цифрами тому же обязательству, какъ и предыдущій видъ: больше шло изъ губерній, населенныхъ сосланными изъ Россіи за измѣну господствующей вѣрѣ (законы губерній Таврическая, Казанская и закавказскія) и, разумѣется, на большей свободѣ и при полной очищенной изгнаніемъ совѣсти, не переставшихъ выяснять себѣ и рассказывать другимъ любопытныя истины новой вѣры. Явились въ Сибирь по такимъ дѣламъ люди болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, пріобрѣвшіе большую сосредоточенность и самоуглубленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательную стойкость и крѣпость въ

тѣхъ нравственныхъ убѣжденіяхъ, которыя, ба утѣшеніе старости, выработались въ начала, очищающія совѣсть и поддерживающія духъ. Большая часть людей, поплатившихся за свои религиозныя вѣрованія и убѣжденія лишеніемъ правъ состоянія и ссылкой въ Сибирь, принадлежали по возрасту къ людямъ свыше шестидесяти лѣтъ, который рѣдко уже замѣчается виновнымъ въ другихъ, болѣе важныхъ и дѣйствительныхъ преступленіяхъ, а по сословію къ купцамъ—сословію, занимающему по всѣмъ другимъ родамъ преступленій самое отдаленное мѣсто съ примѣчательно некрупою цифрою. Ересь и расколъ, совращеніе и отступленіе отъ вѣры—какъ будто привилегированныя купеческія преступленія. Процентъ сосланныхъ за вѣру купцовъ значительно превосходитъ всѣ другія сословія *).

Оскопленіе, какъ крайній результатъ извѣстныхъ религиозныхъ убѣжденій скопческой секты, по самой исключительности своей не можетъ быть объяснено сибирскими цифрами. Ссылки этихъ „божьихъ людей“ и на Аландскіе острова, и за Кавказъ и въ Сибирь одновременно. Шли въ Сибирь тѣ прозелиты, которымъ удалось оскопить другихъ, повѣрившихъ живому Богу, живущему въ городѣ Иркутскѣ, въ сибирской стороншкѣ, а шли, разумѣется, оттуда больше, куда были высланы скопцы изъ Россіи. Такъ и по нашимъ табелямъ, наибольшее число „оскопившихъ себя“ и „оскопленныхъ другими“ вышли изъ Закавказскаго края и Новороссійскаго (губ. Херсонской и Таврической) **). Всѣ эти прозелиты ушли либо на рѣку Енисей въ Туруханскій край, либо на Лену въ Якутскій. Скопился чаще солдатъ и мѣщанинъ и всего меньше — крестьянъ; большее число оскопившихся людей ушло въ холодныя

*) Сибирскія табели собственно по дѣламъ старобродства—плохой судья. Съ 1831 года, по случаю увеличенія раскола, перестали ссылать преступниковъ этого рода. Въ послѣдніе годы передъ этимъ запрещеніемъ по цифрамъ табелей замѣтно было сильное распространеніе раскола въ Воронежской губ., Рязанской, Пензенской, Тамбовской и Орловской. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это увеличеніе произошло не въ сторону старовѣровъ, уживающихся преимущественно въ лѣсныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, а въ сторону нововѣровъ (секта рационалистовъ), которые наиболѣе облюбили степныя и южныя губерніи. Въ этомъ отношеніи враждебныя вѣроисповѣданія приняли противоположное географическое направленіе другъ другу, какъ бы преднамѣренно условившись между собою въ отмежеваніи мѣстностей.

**) Въ концѣ 20-хъ гг. нынѣшняго столѣтія изъ великорусскихъ губерній сильнѣе скопцами губ. Орловск. (съ 1823 по 1831—55); Тамб. (50), Курскія (46) и Калужская (35)—къста преимущественнаго религиознаго движенія хлыстовщины до скопчества, отъ духоборства до молоканства. Самымъ основной и древній пунктъ хлыстовщины... Костромская губ., выразилась также и скопцами (20).

тундры и самыя неудобныя сибирскія мѣста, изъ инородческихъ племенъ—изъ племени финновъ (или, попросту, чухонцевъ) по преимуществу. Множество скопцовъ убѣжало изъ Россіи и за австрійскую границу. Одинаково оскопляли бо младенцевъ, скопились и въ молодые и въ зрѣлыя годы, мужчины и женщины безразлично и почти въ такихъ же взаимныхъ числовыхъ отношеніяхъ *).

Совсѣмъ другими свойствами отличается тотъ видъ преступленій противъ вѣры, который велъ грѣшниковъ прямо на каторгу, въ нерчинскіе рудники и который называется святотатствомъ. Церковные воры, за исключеніемъ губерній сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, въ русскихъ губерніяхъ попадались въ большемъ числѣ, конечно, тамъ, гдѣ древняя Русь настроила большее количество церквей и монастырей, богаче украсила ихъ отъ избытка собственныхъ денежныхъ богатствъ и гдѣ, такимъ образомъ, при обилии соблазна для голодной гольтыбы укрѣпился грѣхъ святотатства. Онъ, въ сибирскихъ табеляхъ ссыльныхъ, сдѣлался судьбою, какииъ-то видомъ неизлечимой и постоянной болѣзни; послѣдовательно и настойчиво повторялся въ губерніяхъ: Владимирской, Киевской, Черниговской, Московской, Костромской, Нижегородской и Новгородской. Не выразились только Ярославская и Тверская, поступающіяся значительнымъ числомъ своего населенія для дальнихъ отхожихъ промысловъ **).

Шли въ Сибирь за воровство церковнаго имущества изъ всего множества русскихъ сословій, преимущественно и почти исключительно три: одно, ближе стоящее къ церкви, и два, ставшія отъ нее примѣчательно дальше другихъ. Такъ, напимѣръ, лица духовнаго званія, причастныя въ примѣтной степени преступленію воровства-кражи и рѣже воровства-грабежа, упорно отстаиваютъ за собою въ ежегодной цифрѣ

*) Между преступленіями противъ вѣры указана въ табеляхъ графа для сосланныхъ за «лживую присягу», но графа эта только разъ оживлена была преступниками этого рода (съ 1846 г. сосланы были изъ Ковенской губ. 1 муж. и 1 жен.), не смотря на то, что подобное преступленіе, въ прежней судебной практикѣ, являлось дѣломъ обычнымъ. Всѣмъ памятенъ обычай очистительной присяги, всенародно, при звонѣ колоколовъ. Цѣлой Москвѣ памятенъ тотъ случай, когда за вѣдомо всѣмъ виноватый, сходилъ подъ колокола и не устыдился, а за это—какъ извѣстно по народнымъ примѣтамъ—до седьмого колѣна не смывается съ потомковъ грѣхъ «ложной присяги».

**) Женщины по отношенію къ мужчинамъ, въ общемъ числѣ святотатцевъ, составляютъ $\frac{1}{4}$ часть. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, послѣдовательно за всѣ годы, высланы были одни только мужчины (изъ Моск., Новгор., Воронежск., Перм., Подол., Тифл. и Оренб.). Западные губерніи отличаются также довольно значительнымъ процентомъ церковныхъ воровъ; губерніи Витебская и Минская сильно выдаются впереди всѣхъ другихъ.

тотъ видъ этого рода преступленій, который извѣстенъ на юридическомъ языкѣ подъ именемъ святотатства. Въ равной степени падаетъ этотъ грѣхъ и на священнослужителей и на церковнослужителей, если принять въ расчетъ то, что число причетниковъ въ общей сложности превышаетъ вдвое количество священниковъ и дьяконовъ *).

Изъ двухъ остальныхъ сословій оба, искусственно водворены на русской почвѣ и оба не обезпечены въ экономическомъ отношеніи: одинъ пролетарій безъ земли, другой безъ всякой собственности, раздѣлили съ духовенствомъ преступленіе церковнаго воровства между собою. Снявъ такимъ образомъ, всю вину обвиненія въ преступленіи съ русскаго простого народа, они оказались между собою въ тѣхъ количественныхъ отношеніяхъ, по которымъ ясно, что цифра святотатцевъ, послѣ духовенства, всею тяжестью своею тотчасъ падаетъ на солдатъ, а затѣмъ на мѣщанъ. Вѣроятіе святотатства для крестьянъ въ 40 разъ слабѣе, чѣмъ для духовенства. Въ числахъ эти отношенія, за наши 9 лѣтъ, выражаются такъ:

Лицъ духовнаго званія. 104 муж.

Солдатъ служащихъ и

отставныхъ 87 „ 2 женщ.

Мѣщанъ 51 „ 5 „

Для духовенства вѣроятіе тяжкаго грѣха церковныхъ кражъ составляетъ исключительную особенность наравнѣ съ преступленіями по службѣ чиновниковъ.

По отношенію ко всѣмъ другимъ родамъ преступленій, совершенныхъ этими тремя сословіями—святотатству у духовныхъ и мѣщанъ принадлежатъ третье мѣсто, у солдатъ же оно занимаетъ пятое (убійства, побѣги, воровство, грабежи и — святотатство). Само же духовенство, по проценту для тяжкихъ преступленій, занимаетъ самое видное мѣсто; за исключеніемъ его, по другимъ родамъ, духовенство встаетъ на самое дальнее, превосходя только купеческое сословіе. Попадши и поповны тутъ ни въ чемъ не повинны, точно такъ же какъ и всякая другая преступность въ нихъ замѣчательно слаба.

Въ періодъ послѣдующаго десятка лѣтъ (съ 1 янв. 1841 по 1 янв. 1857) въ нерчинскіе заводы поступило рабочихъ, сосланныхъ за святотатство—72 и за оскопленіе—7. Послѣдующе сюда за ними по нашей задачѣ и ради вопроса о томъ, что происходитъ съ этими ссыльными тамъ, на каторгѣ: остаются ли они при своемъ, исправляются или больше портятся?

Само собою разумѣется, что, съ уничтоженіемъ основныхъ поводовъ и вызывающихъ причинъ

*) Такъ, въ 1845 г. сослано за святотатство священнослужителей 9, церковнослужителей 11, въ 1844 г. священниковъ и дьяконовъ—7, причетниковъ—15, и т. д.

или съ ослабленіемъ питательныхъ соковъ,— преступленіе уничтожается вовсе или ослабѣваетъ количествомъ жертвъ. Вѣрно также и то, что ссылка, со своими рѣзкими, рѣшительными и грозными послѣдствіями, производить съ преступниками то, что они или, оглушенные и озадаченные крутымъ бытовымъ переворотомъ и крупнымъ житейскимъ несчастьемъ, зарекаются на новыя преступленія, или, въ крайнемъ случаѣ испорченности и забалованности, дѣлаются болѣе осторожными и опытными. Въ ссылкѣ, какъ извѣстно, существуетъ признанная законами и весьма возлюбленная ссылными форма, нравственное значеніе которой состоитъ въ томъ, что совершившій преступленіе и умѣвшій спрятать его, можетъ высказаться потомъ подъ видомъ бродяги, не помнящаго родства. На огромную массу людей этого званія, не безъ нѣкотораго практическаго основанія, возлагается участие въ не объясненныхъ и не открытыхъ преступленіяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ числѣ ссылныхъ, завиняемыхъ въ Сибири за новыя и различныя преступленія, исчезаетъ видъ боготупиковъ, еретиковъ и раскольниковъ, какъ бы въ силу того, что разъ содѣянный фактъ подобнаго рода не имѣетъ возможности повториться. За преступленія противъ вѣры и даже за такой видъ ихъ, какъ святотатство, въ нерчинскихъ заводахъ, въ числѣ вновь осужденныхъ, не указано ни одного въ теченіи десяти лѣтъ (1847 по 1857 гг.), а въ теченіи предъидущихъ девяти (съ 1837 по 1846) на всю Сибирь, изъ всего числа каторжныхъ, указавъ виновнымъ въ святотатствѣ только одинъ, изъ числа поселенцевъ 5, изъ арестантовъ, исключенныхъ изъ арестантскихъ ротъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, только 2. Конечно, на этотъ фактъ должно было имѣть значительное вліяніе то обстоятельство, что Сибирь примѣчательно скудно надѣлена церквами. Въ часоу Сибири святотатцамъ, конечно, лежала болѣе торная дорога къ другимъ преступленіямъ и поливѣшая возможность (по силѣ народной пословицы, гласящей, что „разъ укралъ—на вѣки воромъ сталъ“) уйти на воровство съ болѣе широкими (а не спеціальными) примѣненіями и исчезнуть въ цифрѣ осужденныхъ вообще за похищеніе чужой собственности. Таковыхъ въ тѣ же десять лѣтъ въ однихъ нерчинскихъ заводахъ только уличено и осуждено 201 человекъ, а по всей Сибири за 9 лѣтъ предыдущихъ суждено за явное воровство изъ каторжныхъ 34, изъ бродягъ 476, изъ поселенцевъ 144 и изъ арестантовъ 30, всего 684 человекъ. По другимъ родамъ вѣропреступныхъ дѣйствій, исчезнувшихъ сами собою на каторгѣ, за неимѣніемъ пищи и поводовъ,— живая присяга потеряла свою силу, конечно, потому только, что законъ воспрещаетъ ссылнымъ всякое формальное клятвенное обѣщаніе

и не допускаетъ ихъ ни до какой присяги. Точно также всѣ русскіе кодуны очутились бы въ Сибири не у дѣлъ уже потому, что тамъ и своихъ довольно, въ видѣ шамановъ съ одной стороны и бурятскихъ ламъ—съ другой, изъ которыхъ послѣдніе готовы колечить, а первыя полѣчить и покусить. За то нерчинскія архивныя и казенныя хроникн сохранили слѣдующій случай въ отвѣтъ на вопросъ объ исправленіи сосланныхъ за разрытіе могилъ и воровство положенной въ гробы съ мертвыми тѣлами одежды.

Нѣкто Боградскій (судя по фамиліи, уроженецъ тѣхъ мѣстъ, на которыя мы указали въ началѣ статьи и которыя, по преимуществу, усвоили себѣ этотъ видъ страннаго воровства) сосланъ былъ на каторгу и помѣщенъ въ работу на Селенгинскій солеваренный заводъ (давно не существующій). Здѣсь онъ завялся грабежомъ мертвыхъ въ могилахъ и за то былъ наказанъ кнутомъ и переведенъ на нерчинскій заводъ, на глаза духовнаго и гражданскаго начальства, такъ какъ въ заводѣ этомъ—центральномъ пунктѣ мѣстнаго административнаго управленія—гражданскія и военныя власти организовались въ цѣлое правленіе, а духовныя—въ соборъ. При нерчинскомъ заводѣ Боградскій сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ тюрьмѣ онъ снова задумалъ тотъ же промыселъ и на помощь себѣ и въ участники наживы успѣлъ подговорить товарищей. Для успѣха предпріятія онъ днѣмъ часто посѣщалъ тюремный госпиталь и тщательно осматривалъ всѣхъ умершихъ; ночью, „обѣгая скрытно изъ тюрьмы“, выходилъ въ промыселъ, т. е. разрывалъ могилы и обиралъ съ покойниковъ все до послѣдней нитки. Въ могилахъ иногда ошибался по причинѣ ночной темноты. Разъ рассчитывалъ попасть на могилу горнаго служителя, а попалъ на могилу ссылнаго: „ободравши рубаху—видѣлъ знаки на спинѣ отъ наказанія“. Успѣлъ разграбить нѣтъ могилъ. На послѣдней попался и указалъ на товарища Полещука (необлыжнаго бѣлорусса и вѣроятнаго земляка), „который угнѣлъ сбывать краденныя вещи заводскому служителю, любившему принимать все краденное и платившему за то наличными деньгами“. Деньгами Боградскій и Полещукъ корыстывались; вотъ единственнаго цѣль преступленія и единственное объясненіе его, которое дали виновные на судѣ въ заводѣ.

Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ заигшлась фанатизмъ, проявилась болѣзнь своего рода, номазія, гдѣ, словомъ, заигшлась твердая и настойчивая воля, желающая дѣйствовать по личнымъ убѣжденіямъ, хотя бы и ошибочнымъ,— тамъ каторга въ полной неосостоятельности, и она уже не только не лекарство, но даже еще одна изъ предрасполагающихъ причинъ.

Когда-то (впрочемъ, не такъ давно) во Владимирской губ. фанатикъ съжегъ свой домъ

и въ немъ собственныхъ малютокъ, предварительно зарѣзанныхъ имъ ножомъ на горѣ за селеніемъ. На допросахъ онъ хладнокровно показывалъ, что поступилъ такъ, начитавшись Библии, и совершилъ дѣтубійство по образу Авраама, приносившаго въ жертву Богу сына своего Исаака. Въ то время, когда онъ кололъ ножомъ, жена его, мать малютокъ, говорила слова, молитвенно объяснявшія цѣль закланія. Дѣтубійца этотъ былъ вѣкто Никитинъ. И вотъ, въ Средней Борзѣ на Аргунѣ живеть старичекъ у тамошнихъ казаковъ въ работникахъ, сосланный изъ Россіи и то же Никитинъ; поживеть у одного, поработаетъ у другого, вскорѣ непосѣдливо бредеть работать на третьяго, по праву и званію выпущеннаго на пропитаніе. Вопреки всѣмъ аргунскимъ казакамъ, онъ былъ человекъ трезвый, вопреки всѣмъ поселенцамъ—слушливый и не сварливый; въ отиѣну ото всѣхъ сибиряковъ—человекъ набожный и начитанный. Начитанъ онъ былъ такъ, что всѣ дивились тому и оказывали почетъ и уваженіе. Всѣ свободные дни отдавалъ онъ чтенію Библии и при всякомъ случаѣ и со всякимъ любилъ говорить о божественномъ. Не въ мѣру былъ онъ этимъ докучливъ, не въ мѣру во все другое время былъ угрюмъ и задумчивъ. Думали, что онъ человекъ какой нибудь русской секты: все хулилъ церкви, все говорилъ о алѣ, въ нихъ царствующемъ. Между тѣмъ, чѣмъ больше читалъ онъ, тѣмъ угрюмѣе становился: пересталъ ходить въ компаніи, избѣгалъ шумныхъ и людныхъ собраній, началъ дичать и уединяться. Все это было всѣмъ видно, но всѣмъ непонятно, отчего сталъ чаще уходить въ дѣсь чудной старичекъ и подолгу тамъ оставаться. Вскорѣ объяснилось дѣло, а объяснили его пастухи-ребятишки, привлеченные стопами къ часовѣ и натолкнувшіеся въ ней на невиданное диво. На томъ крестѣ, который самъ Никитинъ вкопалъ въ землю и въ которомъ видѣвшіе его не видѣли ничего страннаго, такъ какъ дѣло это въ Сибири за обычай,—на крестѣ этомъ, подъ навѣсомъ въ часовенкѣ, висѣлъ человекъ. Голова въ терновомъ вѣацѣ склонена была на бокъ, въ крѣпкій морозъ висѣлъ онъ голымъ, только подпоясавъ низъ живота бѣлымъ платкомъ. Въ боку была рана, все тѣло было облито и забрызгано кровью. Подъ крестомъ лежало копье и валялись орудія Христовыхъ страстей. Когда сѣзжавшіеся люди сняли распятаго съ креста, онъ былъ еще живъ. Когда въ нерчинскомъ заводскомъ лазаретѣ его вылечили и призвали къ допросу, Никитинъ отвѣчалъ что жертвовалъ собою за грѣхи людскіе и выбралъ для того вечеръ великой пятницы. Распиналъ себя самъ, хотя и трудно ему было, но передъ тѣмъ онъ долго молился. Сначала онъ прибилъ къ кресту ноги правую рукою, придерживаясь лѣвою за попе-

речное древко креста, потомъ лѣвую руку насадилъ на большой гвоздь, вбитый предварительно съ задней стороны поперечной доски. То же самое хотѣлъ сдѣлать и съ правою рукою, да совсѣмъ измѣнили силы: онъ ослабъ и повисъ. Такъ съ опущенною рукою онъ и найденъ былъ пастухами. „Захотѣлось умереть, какъ умеръ Христосъ за людей, и тѣмъ угодить Богу“ *).

На этомъ стремленіи угождать Богу по собственнымъ способамъ (въ самыхъ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ) и по тѣмъ образцамъ, которые завѣщаны и указаны св. отцами (и это всегда), остановились всѣ тѣ ссыльные, которые сосланы сюда за „расколъ и ересь“. Начнемъ съ сектаторовъ, сослаемыхъ въ Сибирь съ большею готовностью и постоянствомъ.

Говорить про скопцовъ много не приходится; разувѣтся, въ ссылкѣ они остались тѣми же самыми фанатиками. Для нихъ возврата не можетъ быть никакого. Крупный и рѣшительный актъ совершенъ—остается исполнять обязательные при немъ обряды, чтобы не утратить сочувствія единовѣрцевъ, умѣющаго высказываться въ замѣчательно единодушной денежной помощи, которою не забываютъ и въ енисейскихъ деревняхъ, вблизи Туруханска, и въ приленскихъ, за Якутскомъ. Несомнѣнно пользовались тѣми же самыми денежными присылками и тѣ, которыхъ судьба отдѣлила отъ прочихъ и послала за Байкаль. Мы лично были свидѣтелями (въ петергофской тюрьмѣ) того холоднаго равнодушія и поразительнаго безстрастія, съ какими наши мы скопцовъ (въ 1861 году) наканунѣ того дня, когда имъ приходилось идти изъ тюрьмы въ холодныя и суровыя мѣста дальней Сибири. Ни сожалѣнія, высказанныя нами, ни свѣденія, какими мы готовно дѣлились съ ними, ни совѣты на дорогу, имѣвшіе цѣлью руководить ихъ первыми шагами на чужбинѣ,—ничто не озабочивало и не трогало ихъ. Они какъ будто въ какомъ-то отупѣніи готовились на предстоящую борьбу со ссылкой, и притомъ видно было, что ей не сломать ихъ характера и не поколебать ихъ рѣшимости. Намъ казалось тогда, что это люди, выступающіе на битву съ огромнымъ запасомъ силъ, что передъ этими героями самое тяжелое изъ наказаній (какова ссылка) объявится въ полнѣйшемъ ничтожествѣ и крайней непримѣнности: все равно, жили здѣсь, поживемъ и тамъ. Они тяготились однимъ и жаловались и просили объ одномъ—чтобы ихъ скорѣе отправили: зачѣмъ жить въ тенлой, свѣтлой и чистой тюрьмѣ и подъ бокомъ богатыхъ благодѣтелей, когда судьба судила идти въ негооте-

*) Никитина сослали въ Иннокентьевскій монастырь, подъ Иркутскомъ, на покаяніе, откуда снова возвратили за Байкаль и поселили въ Нерчинскѣ, гдѣ онъ еще живъ былъ въ 50-хъ годахъ.

примыны, мерзлая пустыня, въ сосѣдство полудикихъ, полуголодныхъ тунгусовъ и юраковъ? За то во время путешествія по русскимъ и сибирскимъ этапамъ вездѣ готовится нѣтъ встрѣча отъ такихъ же драблѣхъ, съ морщинастыми лицами, съ пискливымъ птичьимъ голосомъ почитателей Петра III и Селиванова. Всякую арестантскую партію неизменно встрѣчаютъ скопцы въ городахъ и селеніяхъ, выходящіе посмотрѣть: нѣтъ ли кого нибудь изъ „голубей“, чтобы надѣлать ихъ деньгами.

Отправляются туда скопцы не безъ запасовъ настоящихъ, не безъ надеждъ на будущее и, во всякомъ случаѣ, съ вѣрою въ свое призваніе и съ твердою увѣренностью, что именно въ этихъ-то страданіяхъ выражается для нихъ, подъ видомъ мученичества, одинъ изъ путей къ блаженству, къ тому же, на этотъ счастливый случай, ведетъ ихъ въ сосѣдство той страны и горы того города (Иркутска), откуда явится ихъ живой богъ (Кондратій Селивановъ)*). Другой путь къ довершенію религіозныхъ стремленій и одно изъ орудствъ къ духовному совершенству, достигаемаго посредствомъ привлеченія въ секту новыхъ прозелитовъ, для ссылаемыхъ въ Сибирь дѣло не особенной трудности. Удачная скопческая практика въ Сибири не рѣдкость. Въ Сибири, какъ и за Кавказомъ, на Енисей, какъ и на Ріонѣ, поразительны они тѣмъ незлобнымъ характеромъ, которымъ отличаются въ сношеніяхъ между собою, и тѣмъ отсутствіемъ распрей или ссоръ, которое они полагаютъ для себя какъ бы за обязательный религіозный догматъ въ отношеніяхъ къ прочимъ туземцамъ. Нельзя не замѣчать и не чувствовать того удивленія и уваженія, которымъ пользуются они у сосѣдей, умѣющихъ обнаруживать эти чувства, помимо недовольства ихъ грѣхомъ оскотленія. Скопцовъ никто и никогда не обижаетъ, имѣя глубокое состраданіе къ тѣмъ затрудненіямъ, которыя встрѣчаютъ ихъ слабыя силы при исполненіи различныхъ многотрудныхъ работъ, задаваемыхъ дикими и дѣвственными мѣстами поселенія. Работаютъ они усердно и безропотно, гдѣ требуется пригнѣніе ихъ силъ и способностей, или по указаніямъ доброй воли,

*) До Иркутска шелъ Селивановъ въ пересыльной партіи на канатѣ и успѣлъ совершить надъ собою вторичное полное оскотленіе. Въ Иркутскѣ, со смиреніемъ искренняго православнаго (въ примѣръ и поученіе своимъ последователямъ), живя на свободѣ, онъ ходилъ по городу съ чашечкою и собиралъ на церкви. Около двадцати лѣтъ пробылъ онъ въ ссылкѣ, не склонившись на подговоры двухъ скопцовъ, явившихся изъ Россіи предложить ему услуги къ побѣгу и укрывательству. Въ 1795 году императоръ Павелъ освободилъ его и позволилъ возвратиться въ Петербургъ. Въ 1832 году Селивановъ умеръ въ Суздальѣ въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ, но скопцы думаютъ, что онъ до сихъ поръ скрывается въ окрестностяхъ Иркутска, откуда и ждутъ его для начала новаго царствія.

или по вызову различныхъ начальствъ. На Ріонѣ изъ нихъ составили рабочую роту, ввѣренную военному офицеру; на Енисей они занимаются легкимъ промысломъ извоза и слагами. Оскотленіе ссыльными ссыльныхъ въ нерчинскихъ заводахъ не обнаруживается въ надлежащей силѣ оттого, что это дѣло находится въ рукахъ самихъ острожныхъ и уже достаточно наловчившихся, но, обнаруженное въ одномъ мѣстѣ, всегда указываетъ на многіе другіе случаи. Такъ замѣчено было сильное распространеніе секты скопцовъ въ Петровскомъ заводѣ (одномъ изъ нерчинскихъ), въ 30-хъ годахъ, въ такой степени, что генералъ-майоръ Лепарскій (приставникъ декабристовъ) рѣшился не принимать скопцовъ въ Петровскій заводъ, а отправлять ихъ въ нерчинскіе рудники. При этомъ обнаружено было, что скопцы уловляли въ свои сѣти и соблазняли ссыльныхъ деньгами, въ большомъ количествѣ получаемыми изъ Россіи. Точно также секта эта, умѣющая скрываться и періодически обнаруживаться во время самыхъ крайнихъ увлеченій прозелитизма, въ 1854 г. замѣтно распространялась въ Тобольской губерніи между старожилами Юргинской волости (Ялуторовскаго округа). Виновные и уличенные были суждены и высланы дальше въ Сибирь. Этимъ приостановлено было дальнѣйшее распространеніе секты, которой въ той странѣ не благоприятствуетъ то, что адепты ея, сосланные по судебнымъ рѣшеніямъ, живутъ разсыянно и ихъ по губерніямъ очень немного.

Хлыстовъ Сибирь также не угомонила: самые первые хлысты на Руси — ученики стрѣльца Прокопія Лупкина, не прерывали сношеній съ оставшимися въ Россіи: ни тѣ трое, которые были сосланы въ Тару, ни сестра извѣстной хлыстовской богородицы Акулины Ивановны (зачтенной въ пермскомъ Далматовскомъ монастырѣ), Александра Ивановна, увезенная въ г. Илимскъ. Сношенія эти были очевидны еще въ то время, когда уличенъ былъ въ ереси сынъ Лупкина, Серафимъ, іеродіаконъ Симонова монастыря въ Москвѣ. Его разстригли, позвали къ суду, въ 1735 году за его важныя вины были кнутомъ и сослали въ Охотскій портъ. За Байкаломъ найдены были тѣ же погребя, которые замѣняли сектаторамъ церкви, и замѣчены были такіе же успѣхи въ пропагандѣ. съ рѣзкимъ отличіемъ отъ скопцовъ въ томъ, что хлыстовская проповѣдь имѣла поразительный успѣхъ. Въ деревнѣ, пристроившейся къ стѣнамъ Троицкаго монастыря, нашли многіхъ новыхъ хлыстовъ, сдѣлавшихся таковыми вслѣдствіе соблазновъ отъ сосланныхъ въ монастырь изъ Россіи. Ссылные хлысты совратили многіхъ монаховъ, нѣкоторыхъ крестьянъ и купцовъ. Отступничество соблюдалось въ самой строгой тайнѣ, пропаганда проведена была весьма осторожно, не сразу узнали о томъ.

Узнали сначала сосѣди-крестьяне и сказали властямъ; власти, по троицкимъ крестьянскимъ избамъ, добрались до монастырскихъ келій и разрѣшили вопросъ тѣмъ, что скакавшихъ и хлеставшихся монаховъ, для исправленія, разослали по русскимъ монастырямъ, другихъ же хлыстовъ сослали въ Туруханскій край. На мѣсто старыхъ монаховъ изъ Россіи присланы были новые; хлыстовщина въ монастырѣ исчезла.

Сила религіознаго увлеченія, доводимаго до крайностей мистицизма, не могла обойти и забайкальскаго купечества, въ особенности кяхтинскаго и верхнеудинскаго. Незадолго до описываемаго нами событія общественное вниманіе было возбуждено появленіемъ подвижника изъ Россіи, успѣвшаго дать сильный нравственно-религіозный толчокъ дремлющему равнодушію и индифферентизму. Возбужденіе это фактически выразилось въ постройкѣ Чикойскаго монастыря на скалѣ, въ мѣстѣ дикомъ, но картинномъ, на берегу рѣки Чикоя. Сюда удалился для созерцательнаго уединенія извѣстный всей Кяхтѣ Василій Надеждинъ—человѣкъ свѣтлаго ума и замѣчательной религіозности, родной братъ извѣстнаго ученаго Н. И. Надеждина. Въ Россіи онъ странствовалъ по монастырямъ и святымъ мѣстамъ русскимъ; пришелъ и въ Сибирь, увлеченный подвижничествомъ къ уединенію. Въ Кяхтѣ, при соборѣ, исполнялъ онъ должность пономаря. Благочестивая и добродѣтельная жизнь и тогда уже привлекла общее вниманіе и уваженіе, а когда черезъ нѣсколько лѣтъ открытъ былъ его центральный скитъ, въ кяхтинскомъ купечествѣ нашлось довольно лицъ, пожелавшихъ оставить въ потомствѣ память о подвижничествѣ знакомаго отшельника, и довольно денегъ, чтобы, уговоривъ его, выстроить на мѣстѣ скита монастырь. Самъ Надеждинъ остался въ немъ монахомъ, подъ именемъ Варлаама, и умеръ тамъ въ 1840 году. Религіозное настроеніе кяхтинскихъ купцовъ, сильно возбужденное этимъ челоѣкомъ, послѣ его смерти не охладѣвало до новаго кризиса въ скромномъ быту Забайкалья.

Вскорѣ послѣ смерти Варлаама прибылъ въ ту же Кяхту монахъ Израиль, посланный изъ Россіи въ Сибирь на исправленіе, на житье, челоѣкъ лѣтъ около сорока, статной осанки. До сихъ поръ помнятъ въ Кяхтѣ его вдохновенные глаза, выраженіе смиренія и святости на лицѣ, тонкія руки, его краснорѣчивыя, глубоко западающія въ душу бесѣды и его образованность. Въ обществахъ много толковалъ онъ о порчѣ православія, раздражался противъ корыстолюбія священниковъ, указывалъ на отступленія ихъ отъ истинъ Христова ученія; онъ говорилъ, что возвышенное ученіе Спасителя затуманено обрядами. Видя ослабленіе вѣры, а въ силу того и умноженіе грѣховъ между людьми, милосердный Богъ, для исправленія

того, что испорчено, во второй разъ прислалъ на землю Единороднаго Своѣго Сына и онъ-то, дескать, Израиль, и есть тотъ сынъ Божій. Евангельскія сказанія старался онъ уподобить и приравнять къ своей личности и событіямъ изъ собственной жизни. Одну молодую особу называлъ богородицею, другую Марію Магдалиною, одного старца называлъ спасителемъ. Израиль нашелъ послѣдователей не только между монастырскими учеными (какъ было сдѣлано имъ въ Россіи), но и между купцами (какъ случилось въ Кяхтѣ и Верхнеудинскѣ). Собирались онъ ихъ и въ Кяхтѣ для религіозныхъ обрядовъ, въ домѣ одного купца, но всего чаще въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ его въ санѣ архимандрита успѣли сдѣлать настоятелемъ. При немъ монастырь быстро обстроился, какъ бы невидимою десницею. Прекрасныя аданія встали на мѣсто старыхъ лачугъ. Здѣсь-то онъ давалъ полнѣйшія толкованія о второмъ явленіи Христа и о новомъ законѣ. Здѣсь-то, говорятъ, онъ велъ немонастырскую, нецѣломудренную жизнь; все это обратило на него вниманіе правительсва и Израиль, за связь съ купчихою и за ересь, сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь (гдѣ и умеръ въ 1863 году). Секта распалась; теперь нѣтъ ея и слѣда. Въ 1836 году С. В. Броневскій, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, объѣзжая вѣранный ему край, въ Верхнеудинскомъ острогѣ видѣлъ „еретикомъ Израилемъ произведенныхъ изъ ссыльных святыхъ, облеченныхъ въ бѣлые стихари, съ голубыми поясами и въ волосахъ на подобіе Иисуса. Онъ самъ и послѣдователи его имъ благоговѣнно поклонялись въ ноги. Мнимо-святые ожидали въ острогѣ рѣшенія участи“.

Въ Западной Сибири (въ Тобол. губ.) распространялъ хлыстовщину (лугинскую вѣру) крестьянинъ Частоозерской волости, деревни Денисовой, Лугининъ. Онъ долго бѣгалъ на Уралѣ и, вернувшись, выучилъ собираться въ одинъ домъ, чествовать мужика за Христа, дѣвку—за Богородицу. Ее пеленали и сажали въ сторону къ востоку, сами бѣгали кругомъ кадки и на голосъ гѣли; „По водѣ хлещу, Христа ишу; встань Христось, растянись Христось, выйди Христось наружу—дай денегъ на нужу“. Со смертью Лугинина вѣра пала въ деревнѣ Щетниковой (въ 1824 г.), а началась въ Курганскомъ округѣ (д. Межеумная), Ялуторовск. (д. Семенова и Менщикова) и Омскомъ (Русина, Черновал, Шипицына).

Суботники также не дѣлаются здѣсь, на каторгѣ, православными и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нерчинское начальство принуждено было запрещать сношеніе суботниковъ съ евреями и не позволять браковъ суботницъ - поселенокъ съ евреями - поселенцами (какъ, напр., судя по архивнымъ дѣламъ, запретило таковой поселенкѣ Худяровой, желав-

шей сочетаться бракомъ съ евремъ Юсиновичемъ). Въ селѣ Укрыѣ (по почтовому Читинскому тракту) суботники молятся по русски, но въ Христа не вѣрятъ, ожидаютъ Мессію; на молитвахъ прикрываются саваномъ и называютъ его по еврейски талесомъ; привязываютъ также во время молитвъ скрежали съ заповѣдями на лобъ и также носятъ на плечахъ, вмѣсто жилета, пщисъ. Женщины бреютъ головы и обрѣзаніе признается за обычай и за символъ примиренія. Жидовъ почитаютъ братьями и не гнушаются ѣсть съ ними изъ однихъ чашекъ. По Сибири они живутъ разсѣянно, но кое-гдѣ и группами (какъ, напр., въ Томской губерніи и въ окрестностяхъ Иркутска). Пропаганда ихъ не сильна; вѣра, рекомендующая жидовскую молитву и жидовскіе обычаи и пицу, и въ Россіи не пользуется особыми успѣхами, а въ Сибири объ ней даже рѣдко слыхивали *). Въ Сибири, и то преимущественно въ каторжныхъ мѣстахъ, сильнѣе выразилась пропаганда духоборцевъ; впервые появились они на каторгѣ въ 1800 г., послѣ указа, повелѣвающаго сылать въ вѣчную каторжную работу изобличенныхъ въ духоборческой ереси и отвергающихъ высшую власть на землѣ.

Нѣкогда пропаганда духоборцевъ была сильно развита по ссыльному Нерчинскому краю. Теперь, напуганная, она ослабѣла, но несравненно сильнѣе пропаганды суботниковъ и успѣшнѣе таковой же скопцовъ. Обязательства взаимной помощи и содѣйствія, выражающіяся въ денежныхъ пособіяхъ и братской любви—достаточныя приманки для людей, совершенно безпомощныхъ и обнищавшихъ. Милосердіе къ несчастнымъ и обязательное участіе во всѣмъ изъ своихъ дѣлаютъ изъ секты молоканской и духоборческой привлекательный пріютъ и надежную утѣву, на манеръ нѣмецкой клики, столь сильно и мощно распространенной по цѣлой Россіи. Какъ всѣ чужеземцы на чужбинѣ и какъ иностранцы въ Россіи, духоборы въ Сибири стараются жить общинами, группами и не тяготеютъ даже житьемъ на дальнемъ Енисей въ сосѣдствѣ скопцовъ и по близости Туруханска, потому что община помогаетъ жить съ достаткомъ. Немного опечалились и потеряли тѣ изъ духоборцевъ, которые разсѣянно жили по Нерчинскимъ руд-

*) Въ Западной Сибири, именно въ Петропавловскѣ, уличены были нѣкоторые изъ солдатъ (Аристовъ и Соловьевъ), «праздновавшіе еврейскую пасху». Въ субботу не работали, во Христа не вѣрили, постовъ не соблюдали. Приставившись въ полковой церкви, выбросили причастіе. Ихъ арестовали, произвели слѣдствіе и сослали въ дальніе батальоны. Сына Аристова опредѣлили въ Омскій полубатальонъ кавтонистовъ, дочь—на тамошнюю казенную суконную фабрику. Замѣченъ былъ также въ Солтораиской волости одинъ изъ сосланныхъ чиновниковъ, дочитавшійся по книгамъ Ветхаго Завета до сектаторства этого же рода.

никамъ и, послѣ наказанія за успѣшную пропаганду между каторжными и между вольными крестьянами и купцами, были сосланы изъ Чабучей съ Аргуни на Енисей въ Туруханскъ (Мивигиновъ съ нѣкоторыми товарищами). Подъ влияніемъ ихъ, а еще больше при ловкости четырехъ главныхъ (Хабарова, Ярошенко, Кудрявцева и Алексѣева), община духоборцевъ въ Забайкальѣ росла. Одинъ Кудрявцевъ сумѣлъ подвести подъ военный судъ за ересь 8 чело-вѣкъ служителей, превращенныхъ потомъ въ солдатъ. Нѣкто Ярошенко умѣлъ совратить и многихъ каторжныхъ—людей холодныхъ и совершенно извѣрившихся. Убѣжденія влагались до того глубоко и твердо, что когда уличенныхъ призывали на церковный судъ, они со смѣлостью и рѣшимостью говорили за свою вѣру и дѣйствовали по ея принципамъ.

Каторжные не шли къ священнику на исповѣдь и говорили, что „они дѣлаютъ рукъ чело-вѣческихъ не поклоняются и присяги учинить не хотятъ; работы же, какія по службѣ съ нихъ требуютъ будутъ, исполнять не откажутся и они присягу имѣютъ внутреннюю, а дѣлами рукъ чело-вѣческихъ называютъ Евангеліе и крестъ, потому что они дѣланы руками“.

Служители горные говорили подобное же, но дѣйствовали еще рѣшительнѣе; одинъ изъ служителей (Кухтинъ), позванный на судъ въ соборъ, прошелъ по церковной паперти въ шапкѣ и рукавицахъ, которыхъ не снялъ и въ то время, когда былъ позванъ въ духовное правленіе передъ зеркаломъ, говоря, что „все это есть писано руками чело-вѣка“.

Это были духоборцы, сосланные въ нерчинскій заводъ. Здѣсь они упорно не соглашались трудиться, не вносили въ обязательства работы, какъ въ Россіи отданные въ солдаты не приносили ни амуниціи, ни провіанта. За упорство изъ нерч. зав. велѣно было сылать на Селенгинскій солеваренный заводъ. Когда въ Астраханской губерніи, въ 1802 г., духоборцы попробовали цѣлыми толпами съ шумомъ выступить на торжище и явно говорить о своей вѣрѣ, главныхъ изъ нихъ сослали въ Колу.

Одинъ изъ обращенныхъ въ секту духовныхъ христіанъ ссыльный, а именно Нероновъ, когда никого не было въ церкви, сорвалъ со стѣны иконы и бросилъ на полъ. Подошедшему дьякону онъ говорилъ: „Вотъ ваши боги, идолы! иди—молись, а если они святые, то пусть-ка встанутъ“ (на судѣ онъ самъ подтвердилъ показаніе дьякона и свидѣтельство-валъ о томъ, что сказалъ такіа слова въ здоровомъ рассудкѣ и твердой памяти).

Въ Лоншаковѣ (старомъ, близъ Шилкинскаго завода) на Шилкѣ, нѣсколько новообращенныхъ изуродовали образъ Богоматери и выкололи ей глаза. Въ нерчинскомъ заводѣ одинъ изъ таковыхъ же расколотый на двое обра-

зобъ (обѣ половинки) положили въ сапоги вмѣсто стелекъ и ходили такъ. Наказали этого, били кнутами и лопшаковскихъ отступниковъ: Кухтина прогнали сквозь строй два раза черезъ 500 человекъ; служителя Суходолина, наказаннаго кнутами и признаннаго негоднымъ къ военной службѣ по годамъ (41), велѣли поселить далеко на сѣверѣ между некрещенными инородцами; Кудрявцева, Алексѣева и Хабарова гоняли сквозь строй и также угнали въ тундру. Такія рѣшительныя мѣры приостановили пропаганду; проповѣдники замолчали, новообращенные притаились по деревнямъ и рудникамъ. На время стало духоборство какъ будто поменьше, но за дѣйствительное уменьшеніе числа ихъ ни одно изъ нерчинскихъ начальствъ въ будущемъ поручиться не могло.

Въ предѣлахъ Западной Сибири, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя смежны съ Россією и отличались всегда сильною воспримчивостью ко всевозможнымъ ученіямъ, духоборчество также нашло себѣ пріютъ и послѣдователей. Въ прошломъ вѣкѣ 11 домовъ въ дер. Гилевой и Петелиной (около Ялутурска въ волости Томиловской) перестали молиться иконамъ и за то прозваны были народомъ немоляками, духовенствомъ — нежертвенными, правительствомъ — иконоборцами, сплетниками чиновными — шельниками и сплетниками сосѣдями и насмѣшниками — охохонцами. Эти исповѣдники стали толковать и вѣрить, что внѣшняя молитва не нужна, она даже запрещена св. писаніемъ; съ 8-ой тысячи лѣтъ бывшая наружная молитва пропала, потеряла силу; Богъ не требуетъ ни свѣчь, ни ладону, ни другихъ приношеній, не нужно и крестнаго знаменія, а съ нимъ и за нимъ и церковей; молитва не престанно должна быть въ сердцѣ, а сердце — храмъ, украшеніе его — доброе житіе. Молиться надо непрестанно, а потому на работѣ, въ дорогѣ всегда твердятъ про себя какое либо мѣсто св. писанія. На молитву собираются въ избѣ, садятся въ кружокъ, одинъ читаетъ книгу (Виблію, Маргаритъ, Ефрема Сирина, Златоустаго, Псалтырь), всѣ другіе слушаютъ и вздыхаютъ: „Охъ-охъ-охъ“! Въ 1821 году въ деревнѣ Гилевой появились настоящіе духоборцы: свадебъ не дѣлали, дѣтей не крестили, иконы занавѣсили и перестали имъ молиться. Въ 1850 годахъ въ д. Куимовой Ишимскаго окр. въ шести домахъ и въ дер. Кривошековой въ двухъ домахъ иконы вынесли совсѣмъ; стали побранивать молоканъ; стали толковать, что если-де у кого разумъ, тотъ и самъ исправится безъ всякихъ таинствъ; читать не нужно. Стали наблюдать чистоту и опрятность, какъ религиозное обязательство; грязными руками ковшу не возьмутъ и даже не прихватятъ его фартукомъ, а позовутъ другого съ

чистыми руками, если не услѣютъ сами вымыть свои. Праздники перестали чтить, стали работать, а слѣдомъ затѣмъ начали ихъ со сѣди рассказывать, что и въ день Христова Воскресенія считаютъ необходимымъ хотя топоромъ три раза ударить въ уголь избы, чтобы доказать свое мѣнѣе. Вдохновлялъ поселенецъ, котораго засадили въ острогъ и сослали по суду; духоборство прекратилось, но слѣдомъ затѣмъ въ дер. Гагарей почти всѣ жители выбросили иконы и перестали принимать поповъ.

Количество молоканъ въ Сибири увеличилось по поводу поселенія ихъ въ такомъ отдаленномъ краю, какъ Амуръ (близь г. Благовѣщенска, на рѣкѣ Зеѣ) и по причинѣ сознательнаго и фактическаго стремленія оставшихся въ Россіи приселаться доброю волею къ тѣмъ, которые высланы были въ Сибирь по выбору и назначеніямъ мѣстнаго начальства. Въ среду молоканскихъ общинъ присылались, по временамъ, даже и такіе ловкіе ловцы въ челоуцѣхъ, какимъ явился, напримѣръ, между минусинскими молоканами знаменитый основатель секты „общихъ“, Михайло Акинфѣевъ Поповъ. Челоуцѣхъ этотъ разъ уже роздалъ все богатое имущество свое, еще живя въ Самарской губерніи, и надѣлилъ имъ своихъ бѣдныхъ шабровъ (сосѣдей), чтобы, по слову писанія, гласящаго, что „всѣ вѣрные живаху вкугѣ и имѣху вся общая“, возстановить древнюю христіанскую гонимую общину и такимъ путемъ очистить молоканство, блуждавшее, по смерти Уклена, во тѣмъ сомнѣніи и съ крупными задатками разложенія. Этотъ же Михайло Акинфѣевичъ, сосланный на Кавказъ, съужель и тамъ, не умудренный наказаніемъ и ссылкой, сладить такую же оригинальную общину на общемъ трудѣ по способу всевозможныхъ религиозныхъ и экономическихъ коммунъ. Вторая ссылка (въ Шушу — волость Минусинскаго округа Енисейской губерніи), при большемъ просторѣ пропаганды, не съужѣла сбить его съ пути апостольства и не оставила его безъ слушателей, а стало быть и послѣдователей *).

Въ Акатуѣ, въ тюрьмѣ, жилъ прикованнымъ на цѣпь нѣкто Масленниковъ, новая жертва собственныхъ религиозныхъ убѣжденій. Въ рудникахъ онъ отутился за проповѣданіе старой вѣры до-никоновскихъ обрядовъ, каковую толковывалъ и здѣсь товарищамъ смыльнымъ. Онъ успѣлъ совратить такъ много, что начальство обратило на это вниманіе, посадило проповѣдника на цѣпь, приковало къ стѣнѣ въ одиночномъ казематѣ, давало ограниченную дачу воды и хлѣба и только по праздникамъ при-

*) Въ западной Сибири извѣстны духоборцы въ Поповской волости Омскаго округа (деревни Мотарова и Батенинская), а молокане въ томъ же округѣ въ волостяхъ Барасутской, Кобыратской и Юдинской (почти всѣ жители).

варокъ. Масленниковъ и на цѣпи продолжалъ возставать на господствующую вѣру. На судѣ велъ себя со смѣлостью, какъ глубоко убѣжденный, и цѣлый протоколъ наполнилъ такими данными, что и слѣдователю пришлось надъ нимъ задуматься и смотрѣть на подсудимаго, какъ на человека изъ ряду вонъ. Погубили его только нѣкоторые дерзкія словесныя выходки.

Старовѣръ Гурій Васильевъ, сосланный за расколъ изъ Екатеринбургъ и поселенный въ Удинскомъ округѣ, сговорилъ двухъ товарищей и вмѣстѣ съ ними бѣжалъ на Амуръ, который тогда еще не былъ русскимъ. Въ пещерѣ на р. Урсѣ онъ провелъ цѣлую зиму, какъ въ молитвенномъ скитѣ, но былъ схваченъ манчжурами и выданъ въ пограничной крѣпости нашей на Аргунн; въ нерчинскомъ заводѣ его наказали и опять водворили въ томъ же Забайкальскомъ округѣ. Оттуда Гурьевъ опять бѣжалъ на Амуръ, опять лѣтомъ схваченъ и опять выданъ. На этотъ разъ въ нерчинскомъ заводѣ его били плетями и написали въ каторжныя работы. Черезъ четыре года послѣ того, при первыхъ признакахъ возможности, онъ въ третій разъ бѣжалъ на Амуръ и въ ту же пещеру на р. Урсѣ. Питаясь кореньями, дичью и рыбою, онъ жилъ въ скитѣ еще одну зиму, но, боясь старыхъ исторій, поплылъ искать большаго уединенія дальше по Амуру. Это сразу ему не удалось; удалось потомъ позже попасть черезъ весь Амуръ въ Охотское море, по немъ, на маленькой лодочкѣ, къ устью рѣки Тугура и оттуда, черезъ шесть лѣтъ послѣ послѣдняго бѣгства, явиться въ Удскій островъ, въ мѣсто истиннаго уединенія. Только такими острыми средствами и притомъ принятыми съ твердостью и настойчивостью, этотъ старовѣръ исцѣлилъ самъ себя отъ жестокой болѣзни и уже больше не бѣгалъ и уединенія не искалъ.

Вотъ два пациента собственно каторжной больницы душевныхъ болѣзней, взятые какъ образцы, рисующіе болѣзнь въ специальномъ видѣ въ одиночно-взятыхъ субъектахъ. Но вотъ эти болѣзни и цѣлыми массами и также не исцѣленные.

Въ Алтайскихъ горахъ, какъ извѣстно, въ 1765 году разселена была часть тѣхъ старообрядцевъ, которые присланы были въ Сибирь изъ стародубскихъ и вѣтковскихъ слободъ, лежавшихъ тогда за литовскимъ рубежемъ. Живутъ они на югѣ Кузнецкаго округа къ сторуку Бійскаго округа. Народъ зажиточный, отличающійся замѣчательными хозяйственными способностями, но для насъ на этотъ разъ поучительный въ томъ отношеніи, что за старую вѣру стоитъ крѣпко и притомъ съ такою замѣчательною ревностью, каковой немного примѣровъ и въ Россіи. Селили ихъ не безъ

стѣсненій; дальнѣйшую жизнь не позволяли проводить безъ прижимокъ, преслѣдованій и вымогательствъ всякаго рода. Выстрадать привелось многое, немало повидать и соблазновъ на случай обращенія въ православіе. Но не смутили люди, не смутили и льготы: алтайскіе старообрядцы съумѣли и въ жизни сохранить приемы древле-русскихъ обычаевъ, хотя и зовутъ себя поляками. Такъ, напримѣръ, они еще до сихъ поръ бредутъ врозь по старинному и оживляютъ дикія и глухія алтайскія мѣста новыми выселками. Село Алтайское уже отличается многолюдствомъ. Сюда пожелалъ пріѣхать къ нимъ для поученія тобольскій архіерей Аванасій, а потому послалъ впередъ священника провѣдать о томъ, насколько они согласны будутъ послушать его и какъ его примутъ съ походною церковью. Передовой вернулся и сообщилъ такіе отвѣты.

— Христосъ висѣлъ на крестѣ не со щепотью, (одни говорили), а съ нашими двуперстными крестомъ и всему міру показалъ свой истинный крестъ и апостоловъ благословилъ этихъ креститься до конца вѣка, съ тѣмъ и на небо вознесся, а Никонъ патриархъ переимѣну сдѣлалъ.

— Никонъ (говорили другіе) помутилъ и порудилъ вѣру Христову и Христовъ крестъ переимѣнилъ, ввелъ щепоть, бритосуіе и проч., а потому-де архіерея слышать не хотимъ.

— Мы отъ священства не отбѣжны (отвѣчали третьи), а можетъ, кого дома не случится... Опять другого силой молиться не заставишь. Куда поѣдетъ отецъ-владыка, мы повеземъ; гдѣ будетъ служить, мы посмотримъ; будетъ учить, послушаемъ! Для чего не послушать?!

Четвертые велили отвѣчать такъ:

— Мы надобности не имѣемъ видѣть его преосвященство, а если ему угодно пріѣхать, мы встрѣтимъ и проводимъ; мы и корчемныхъ встрѣчаемъ и провожаемъ. Кто хочетъ смотрѣть, смотри, а мы видали.

Вторая партія (и самая значительная), также выгнанная изъ бѣлорусскихъ лѣсовъ Могилевской и Черниговской губерній, прошла дальше, на юго-востокъ Сибири, и теперь въ людныхъ, веселыхъ и богатыхъ селеніяхъ живетъ въ западной половинѣ Забайкалья, въ горахъ, тремя волостями. Сами себя эти старообрядцы называютъ также поляками, но у русскихъ сибиряковъ извѣстны болѣе подъ именемъ „семейскихъ“, такъ какъ пришли сюда семьями въ разные годы (первая партія въ 1755 году, вторая въ 1768 году, третья въ 1780 г.). При сытой и обеспеченной жизни и при нѣкоторой свободѣ ея (въ послѣднее время), эти семейскіе выродились въ людей замѣчательно крѣпкаго и красиваго тѣлосложенія, а женщины поражаютъ красотой лица и дородствомъ. Сибиряки, хотя и прозвали ихъ „пастрогами“

выми сычами“ (за довольно вѣрную и примѣтную особенность), далеко уступаютъ имъ въ дородствѣ и силѣ. Женщины вольны на словахъ и на дѣлѣ, мужчины отличаются всё до одинаго бойкостью языка и свободою въ разговорѣхъ. Про Россію и про своихъ тамъ единовѣрцевъ знаютъ всю подноготную, не теряя общеній и сближеній. Сами по себѣ остались вѣрны старой вѣры и старымъ обычаямъ; въ единовѣріе успѣли перейти изъ нихъ только тѣ, которые поселены на р. Чикоѣ, небольшое число въ селеніи Тарабагатаѣ, а больше нигдѣ. Иконы получаютъ изъ Екатеринбургa и тамъ писанныя; въ церковныхъ книгахъ чувствуютъ недостатокъ. „Въ Иркутскѣ хвастаютъ, что тамъ-де у архіерея нашихъ старопечатныхъ книгъ на десяти возахъ не свежеш; все наворовали отъ насъ семинаристы и поотобрали попы и всякій, кому и не надо“. Издавна отнимали все завѣтное и наговаривали на нихъ всякія неподходящія злодѣянія. При всемъ этомъ семейскіе устояли на своемъ съ примѣтною твердостью и цѣльностью.

Въ 1812 году отняли у нихъ бѣглаго попа (Ивана Петрова, въ Куналейскомъ селеніи) и они руководились безъ него бабами и начетчиками, но безъ попа стало жить „не можно, утѣснительно“. Ходоки съѣздили въ Москву, добыли тамъ попа, охотливаго и рѣшительнаго, въ 1840 году. Попъ этотъ крестилъ младенцевъ, благословлялъ новоженцовъ и погребалъ умершихъ. Совершить онъ обрядъ и спрячется. Начальство прознало, стало слѣдить, искать, нашло уже и мѣсто его пребыванія, но семейскіе успѣли спрятать его въ горахъ и рѣшились не выдавать. Пришелъ генералъ Безносиковъ съ войскомъ и съ приказаніемъ взять попа силою. Старообрядцы сначала не испугались, но когда главнѣйшихъ изъ нихъ, окруженныхъ толпою, солдаты вывели въ поле и какъ въ бунтовщиковъ прицѣлились изъ ружей и направили дула, всё упали на колѣни и обѣщали выдать попа. Увели генерала въ горы. Въ горахъ попа отдали, но опять заболѣли тою же болѣзью: опять безъ попа стало жить „не можно, утѣснительно“. Снова семейскіе послали ходоковъ въ Россію и снова получили въ 1850 году новаго попа, но на этотъ разъ изъ Кадуги. Начальство опять узнало о томъ и опять пустилось на поиски. Засѣдатель, узнавъ отъ шпионовъ, что попу такого-то дня поѣдетъ тайною и скрытою дорогою, засѣлъ въ кустахъ и попа выждалъ, схватилъ, связалъ, отдалъ своимъ провожатымъ, а самъ поѣхалъ въ Вичуру, куда вперёдъ его поскакалъ верховой (говорятъ, одинъ изъ его провожатыхъ), который и рассказалъ въ селѣ бывальщину о попѣ и засѣдателѣ. Когда самъ засѣдатель показался въ тарантасѣ на улицѣ, нѣсколько сотенъ народа броси-

лось на него, вытащили изъ экипажа и, влача по улицѣ, били, мучили, насмѣхались надъ нимъ разными способами. Приведя засѣдателя въ избу и угрожая ему смертию, они вымогли у него приказъ отпустить попа. Сторожъ, видя приказъ написаннымъ дрожащею рукою, не хотѣлъ попу отдать. Послѣ того опять всё накинулись на засѣдателя, но на этотъ разъ одинъ изъ стариковъ оборонилъ его. Засѣдатель написалъ второй приказъ, по которому попа освободили, но самого засѣдателя старо-вѣры заперли въ склепъ. Эстафета, извѣщающая о событіи, убѣжала въ Иркутскъ, самъ Муравьевъ-Амурскій пріѣхалъ въ Вичуру, ласково поговорилъ со старо-вѣрами, склонилъ на отпускъ засѣдателя и на выдачу попа; самыхъ виновныхъ строго наказалъ. Попа посадили въ иркутскій монастырь, но въ 1860 году старо-вѣры эти говорили намъ: „Намъ безъ попа стало опять жить не можно; опять попа надо выписывать, а надъ прежнимъ попомъ твори Богъ волю Свою“...

Вичурское дѣло на нашей памяти завершаетъ цѣлый рядъ такихъ дѣлъ, въ которыхъ, съ одной стороны, высказывается, на сколько ссылка не повліяла на дѣла вѣры сосланныхъ, а съ другой стороны, выясняется взглядъ на то же начальство и способы, ими употребляемые, изъ которыхъ, можетъ быть, только послѣдній былъ всёхъ ближе къ цѣли. Но чѣмъ дальше въ лѣтъ, тѣмъ больше дровъ; чѣмъ глубже въ прошлое, тѣмъ неопровержимѣе та истина, что сосланные по дѣламъ вѣры ссылкойю не только не исправлялись, но даже приводимы были еще въ большее ожесточеніе и упорство. Въ этомъ отношеніи даже замѣчательно, что ссылкиныя люди были первыми проповѣдниками раскола и насадителями ученія, которое велитъ держаться всего стараго, начиная съ креста и книги и кончая бородою *).

Въ то же время, когда начался въ Россіи расколъ, началась и ссылка въ Сибирь раскольниковъ и, разумѣется, самыхъ упорныхъ изъ нихъ. Сибирь нашли они безъ церквей и священниковъ, населеніе разбросаннымъ по причинѣ той быстроты, съ которою разлилось оно по обширной странѣ и расселилось по ея широкимъ, многоводнымъ и привольнымъ рѣкамъ**).

*) Старую икону ссылкиныя старо-вѣры старались внести между нераскольниками и, судя по архивнымъ памяткамъ, начаше записывались въ цехъ иконописцевъ. Указомъ 1845 г. это было запрещено.

***) Быстрота, дѣйствительно, изумительная: въ 1686 г. основанъ Тобольскъ и Тюмень, черезъ 6 лѣтъ (1692) Целинскъ, въ слѣдующемъ году Березовъ и Сургутъ, въ слѣдующемъ (1694) Тара, затѣмъ (1695) Нарынскъ и Кетскъ, черезъ три года (1698) Верхотурье, 1600 Обдорскъ и Мангазей, Туринскъ въ 1601. Черезъ 18 лѣтъ русскіе были за Барабинской степью: въ 1604 основали Томскъ, въ 1609 году они уже на устьяхъ

Во сто лѣтъ, предшествовавшихъ появленію въ Сибири старообрядцевъ, занята была вся обширная сѣверная пустыня. Когда жилъ въ Тобольскѣ передовой изъ нихъ и самый ревностный проповѣдникъ, протопопъ Аввакумъ, передовые казаки съ Хабаровымъ пробрались на Амуръ и строили на его берегу Албазинъ. Во сто лѣтъ русское племя успѣло уже достаточно укрѣпиться, освоиться и завести свои порядки. Разселялось оно съ тѣми приемами, какъ населялся и сѣверъ Россіи, тѣми же людьми новгородскаго происхожденія, но съ тѣми отличіемъ, что на этотъ разъ промышленные люди и казаки шли одни, безъ существенной помощи и поддержки, которая на сѣверѣ Россіи выразилась въ содѣйствіи монастырей и отшельниковъ, благочестивыхъ людей, которые умѣли закрѣплять приобрѣтенныя мѣста новыми поселеніями, едва ли не болѣе прочными, чѣмъ поселенія промышленныя. На сѣверѣ Россіи едва скоплялась слобода, какъ уже являлась въ числѣ первыхъ сооруженій и церковь, а при ней погѣ. Въ Сибири прежде слободы сооружался острогъ въ дикихъ и непроходимыхъ лѣсахъ, окруженный ровомъ въ сажень глубиною, въ двѣ шириною, затѣмъ землянымъ валомъ и защищенный частоколомъ изъ заостренныхъ бревенъ по угламъ съ 4-мя бойницами. Около рва, на осадное время, насыпался рядъ чесноку (рогулекъ о 3 и 4 спицахъ) сначала деревяннаго, а за нимъ желѣзнаго, сдѣланнаго изъ копьецовъ со стрѣль. Брошенный на землю чеснокъ становился на двѣ ножки, двумя другими торчалъ кверху, затрудняя приступъ. На частоколѣ становились колья, куда клали смолевую лучину для освѣщенія ночью. Палисадъ защищалъ нѣсколько деревянныхъ избушекъ, нерѣдко землянокъ, нѣсколько лавокъ и высокій раскатъ, срубленный посреди острога, изъ котораго стрѣляли изъ пушекъ; тутъ же былъ и колодезь, отъ котораго на четыре стороны шли желоба, чтобы, на случай пожара, у каждой стѣны была вода. Здѣсь надо было, среди непріязненныхъ сосѣдей, отстаивать сначала свою жизнь отъ стрѣль и голодной смерти, упрочивать за собою занятое мѣсто, чтобы вскорѣ потомъ, по указу разгулявшихся воеводъ и атамановъ, уходить искать новыхъ земель и строить новые остроги. Въ нихъ, вмѣсто церкви, являлась часовня и нерѣдко далеко послѣ всѣхъ другихъ сооруженій. О погѣ на первыхъ порахъ и помину не было. Казаки и промышленные люди, вооруженные ружьями, ножами и топорами, по временамъ таща на себѣ ржавую пушку, продирались сквозь трещи мрачныхъ и густыхъ Енисей основали Туруханскъ, въ 1619 на Енисей Енисейскъ, въ 1632 на Ленѣ Якутскъ, вскорѣ на Ангарѣ въ 1652 Иркутскъ, въ 1695 русскіе были уже въ Камчаткѣ. Съ небольшимъ во сто лѣтъ занята одна изъ громадныхъ странъ въ свѣтѣ.

тайговъ лѣсовъ или, доврѣвшись утлой ладью, неслись по рѣкамъ, пытались проникнуть въ невѣдомыя страны. Пораженные видомъ русскихъ людей съ бородами, которые не боятся смерти, лѣзутъ на копыя и стрѣлы, горсть нападаетъ на силу втрое большую, — туземцы или добровольно сносили мѣха и асакъ всякаго рода, или на встрѣчу чужеземцевъ высылали стрѣлы и выходили сами съ боемъ. Но и тогда, какъ казаки останавливались острогомъ, дикари не переставали высиживать наѣздами и всякою хитростью, какая только могла быть доступна неразвитому, но озлобленному уму. Стрѣлы не вредили людямъ въ доспѣхахъ, а казачьи пули клали на смерть дикарей, которымъ оставалось одно: назвать пришельцевъ „лоча“ (лѣшыми). Безъ огнестрѣльнаго оружія, безъ всякой организаціи, дикари, однако же, уступили и изнемогли передъ ничтожною горстью казаковъ, шедшихъ шайками изъ сотни либо полусотни человекъ, и видѣли, какъ рѣжутъ атамановъ, сѣкутъ и рубятъ остальныхъ и бѣгутъ къ князья и владѣльцы. Эти сотни и полусотни, крадучись волками промежду туземныхъ жилищъ и пробираясь лѣсами, утоптали первые слѣды историческаго грунта Сибири и проблаги тропы для цивилизаціи. Гдѣ можно было удержаться отъ боя, пришельцы брали лестью и уговоромъ. Черезъ толмачей, которыхъ всегда брали съ собою, говорили сибирскимъ туземцамъ: „Нашъ государь-царь силенъ, и великъ и страшенъ, но милостивъ и праведенъ, кровей не искатель. А у государя въ одномъ сибирскомъ царствѣ ратныхъ людей много множество, къ ратному дѣлу навичныхъ, а бьются они, не щадя головъ своихъ“. Обросшій волосами и зачерствѣлый отъ трудовъ и необычныхъ походовъ, сибирскій казакъ горѣлъ одною страстью грабежей и завоеваній, привыкъ къ приключеніямъ въ лѣсахъ, степяхъ и льдахъ; закаленный морозами, онъ уже былъ безразличенъ ко всему, кромѣ жажды стяжаній. Изнашивая наследственные свойства, приобрѣтенныя на родинѣ, сибирскіе пришельцы изъ Россіи поступались ими, въ силу обстоятельствъ и ради корысти, въ виду новыхъ туземныхъ, вліявшихъ неотразимо и настойчиво. Износилъ казакъ одежду, сталъ нарядиться по сибирски; охладѣлъ къ вѣрѣ, сталъ заражаться языческою туземною, къ воспріятію каковой и безъ того мягкая почва, сверхъ того, была еще сильнѣе разрыхлена и еще болѣе приспособлена.

Когда, черезъ тридцать пять лѣтъ послѣ построенія Тобольска, въ немъ была открыта епископская кафедра (30-го мая 1621 г. прибылъ первый сибирскій архіерей), когда, такимъ образомъ, представилась возможность повѣрки тѣхъ религіозныхъ убѣжденій, при какихъ оказались въ Сибири пришедшіе изъ Россіи люди, — многое представилось въ ужасномъ видѣ. Казаки,

увлеченные завоеваніями и промысламъ, успѣшіе ознакомиться съ туземцами и войти съ ними въ ближайшія сношенія, оказались задичавшими почти до уровня тѣхъ же дикарей-язычниковъ. Уже въ 1622 г. извѣстно было на Москвѣ, что сибиряки не носятъ крестовъ, не соблюдаютъ постовъ, ѣдятъ всякую скверну, живутъ съ некрещенными женами, кумами и сестрами своихъ жёнъ (свояченицами). При отъѣздѣ закладываютъ ихъ на срокъ и, не имѣя чѣмъ выкупить, женятся на другихъ. Какіе успѣли завестись монастыри, въ тѣхъ обителяхъ монахи и монахини живутъ вмѣстѣ или, уходя изъ монастырей, опять живутъ въ мирѣ. Сами духовные потворствуютъ всѣмъ новымъ порядкамъ, какіе завели русскіе люди въ новой странѣ: умыканіе (воровство) невѣсть, многоженство, отчужденіе отъ церкви. Уже отъ простыхъ служивыхъ людей начинали слышаться дерзкія рѣчи противъ уставовъ церкви (одного Сургучева думали даже съечь за то живымъ въ самомъ Тобольскѣ), уже многіе и въ самомъ епископскомъ городѣ (по свидѣніямъ 1649 г.), вмѣсто духовныхъ лицъ, стали обращаться къ „чародѣямъ и волхвамъ и богомерзкимъ бабамъ“. „Въ дома пускаютъ и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхование и отъ правовѣрія всякихъ православныхъ христіанъ отлучаютъ“. Между тѣмъ, наличное духовенство о паствѣ своей не заботилось, думая больше о себѣ и услаждая себя „грѣховнымъ и зельнымъ пьянствомъ“, такъ что митрополитъ сибирскій Павелъ (въ 1681 г.) принужденъ былъ отбирать въ архіерейскую кладовую всѣ церковныя суммы изъ опасенія, чтобы попы и церковники, бражничая вмѣстѣ со старостами и раздавая казну въ частныя долги, не растратили ее вовсе.

Не останавливаясь пока на объясненіи тѣхъ безчисленныхъ причинъ, которыя заключены въ самомъ духовенствѣ и въ силу которыхъ расколъ имѣлъ такой успѣхъ въ Сибири, снизошедшей до язычества, мы не станемъ, изъ боязни повториться, рыскаивать объ уснѣхахъ такихъ толковниковъ, какъ Аввакумъ, который, живя долгое время въ Тобольскѣ, увлекалъ массы. Все это происходило въ то время, когда самъ архіепископъ сибирскій Симеонъ цѣлый годъ находился подъ запрещеніемъ, не имѣя права служить даже литургію. Не меньшимъ успѣхомъ пользовался сосланный въ 1660 году монахъ Іосифъ Истоминоу, 24 года страдновавшій съ проповѣдью по сибирскимъ городамъ: Верхотурью, Туринску и Тюмени, гдѣ и теперь значительное число старообрядцевъ. На помощь имъ бѣжали въ Сибирь гонимые тамъ староверы значительнымъ многолюдствомъ. Успѣхъ раскола казался настолько опаснымъ, что стали прибѣгать къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. За тарскими жителями до сихъ поръ со-

храняется отъ старины прозваніе „коловичей“ за то, что прадедовъ ихъ искоренители сильно развившагося раскола за упорство сажали на волю. Успѣхъ проповѣдниковъ былъ настолько великъ и почва народная до того восприимчива, что когда, за немѣннѣемъ дѣйствительныхъ средствъ къ вразумленію, прибѣгли къ помощи и содѣйствию вооруженныхъ командъ, раскольники отвѣчали самоубійствами въ формѣ неоднократныхъ самосожженій большими толпами въ Тобольскомъ, Тюменскомъ, Томскомъ и другихъ округахъ. Испуганный успѣхами пропаганды, Петръ I, указомъ 1722 г., принужденъ былъ воспретить ссылку въ Сибирь раскольниковъ и обратилъ ихъ для заточенія въ крѣпость Рогервикъ (нынѣшній Валтійскій-Портъ). Въ итогѣ осталось одно: расколъ усилилъ въ сибирскомъ населеніи подвижность, бродяжество и этимъ способствовалъ тому, что, уходя въ лѣса за учителями, сибирскій народъ ладилъ селенія тамъ, гдѣ не могли бы они имѣть мѣста по обычнымъ и завѣтнымъ приемамъ промышленныхъ людей держаться береговъ главныхъ рѣкъ. Продолжимъ наши наблюденія за Байкаломъ въ мѣстахъ каторжныхъ, а потомъ обратимся къ мѣстамъ ссыльныхъ поселеній.

Удержался расколъ старообрядства и до нашихъ дней за Байкаломъ и пріобрѣтаетъ новыхъ прозелитовъ, благодаря тому главному обстоятельству, что сибирское духовенство было безсильно бороться съ нимъ—бѣдное нравственными средствами (недавно еще или необразованное или совсѣмъ безграмотное), но богатое средствами матеріальными, на пріобрѣтеніе которыхъ, въ ущербъ прямому долгу, тратило и тратитъ много времени и много силъ *). Значительная часть духовныхъ лицъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи достигла того матеріальнаго довольства, что ихъ справедливо называютъ богачами, и встала въ то положеніе, когда народъ, и ближній и дальній, начиналъ смотрѣть на нихъ съ уваженіемъ, какъ на замѣчательныхъ хозяевъ, умѣвшихъ забрать въ свои руки всю окольную торговлю. Въ купцѣ-монополистѣ, вродѣ Кандинскаго, въ хозяинѣ-счастливецѣ, у котораго и лошади и рогатый скотъ ведутся въ великомъ множествѣ, а клѣти трещать отъ избытка сыпного хлѣба, въ кладовыхъ сложены сорочки пушного драгоцѣннаго товара—въ такихъ чудодѣяхъ для сибирскаго народа нерѣдко совсѣмъ исчезаетъ безъ слѣда образъ друга, болѣе необходимаго и дорогаго. Не съ желаніемъ руководства и поученій, ради душевнаго спасенія и объясненія грѣховныхъ

*) Какъ образчикъ слабости духовнаго вліянія, представляются, между прочимъ, финны изъ секты скакуновъ, сосланные на поселеніе изъ Ингерманландіи и разсыянные по Якутской области:—съ 1859 года они не видали ни одного пастора. Живущему въ Иркутскѣ приходится объѣзжать 6 тысячъ верстъ, чтобы попасть въ Якутскъ.

сомнѣній, а для того же грѣховнаго дѣла, со шкурами соболей и бѣлокъ для продажи или съ просьбою о денежной ссудѣ подъ залогъ имущественный, ходятъ свободные сибиряки къ своимъ духовнымъ отцамъ, не только по многимъ мѣстамъ Сибири, но и за Байкаломъ. За Байкаломъ еще больше, чѣмъ гдѣ либо, духовенство слабо численностью и духовнымъ вліяніемъ на окрестный народъ, во всякомъ случаѣ всѣхъ больше имѣющій право на духовную помощь и руководство. Здѣсь злодѣи, бродяги и всякій испорченный людъ всего чаще нуждаются въ объясненіи нравственныхъ истинъ, а между тѣмъ, на всѣхъ 1.200 человекъ (въ нашъ проѣздъ еще работавшихъ въ кандалахъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ) полагался одинъ священникъ и одна церковь, но и тѣ подъ наметомъ.

Если казна открывала рудное богатство, на этомъ мѣстѣ очень скоро она успѣвала собирать скороспѣлое населеніе и въ числѣ заботъ полагала, между прочимъ, сооруженіе церкви; но или церкви эти являлись настолько малыми, что далеко не вмѣщали въ себя всего числа мошельщиковъ, либо храмъ освящался тогда, когда рудникъ уже выработался или заводъ оказался невыгоднымъ и непроизводительнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появленіе церкви прямо свидѣтельствовало о томъ, что забота объ исправленіи ссыльныхъ вовсе не входила въ число нравственныхъ обязанностей попечителей. Это мѣсто вѣроятнаго и временнаго успокоенія духа и совѣсти являлось, какъ обязательная и необходимая принадлежность при селеніи и при священникѣ, который получалъ командировку сюда вмѣстѣ съ причтомъ и ассигновкою жалованья *). Если рабочіе немного родятъ, не часто брачуются, то все же они и умираютъ, а начальство требуетъ отъ нихъ ежегодной исповѣди и причащенія св. тайнъ.

Такимъ образомъ, арстантъ на каторгѣ только рабочая сила, а въ жизни и быту преступный спитъ на одной койкѣ съ невиннымъ, молодой со старымъ, опытный бродяга со вчера пришедшимъ, и для всѣхъ равно жизнь безъ услады, сомнѣнія безъ разрѣшенія, тоска безъ утѣшенія. Обязательныхъ утѣшителей видятъ

*) Такъ, напримѣръ, Александровскій винокуренный заводъ (подъ Иркутскомъ) основанъ былъ въ 1787 году—церковь освящена въ немъ въ 1835. Въ Ильгинскомъ заводѣ, въ 1842 году, построена была (разумѣется, деревянная) церковь; въ 1844 году она сгорѣла, а векоръ и самый заводъ былъ уничтоженъ. Петровскій желѣзный заводъ построенъ въ 1790 г., а дѣло о церкви въ горномъ правленіи началось въ 1801 году; въ 1760 построенъ Дучарскій серебряный заводъ, въ 1783 началось дѣло о постройкѣ въ немъ церкви въ одно время съ таковою же для Бутомарскаго завода, построеннаго въ 1764 г., и проч.

только при случаѣ смерти товарища и, издали, при проходѣ на работы. Суровое обращеніе постоянно раздражаетъ, беспросвѣтная жизнь становится тяжелымъ бременемъ, а безконечныя работы доводятъ до отчаянія. Гдѣ же тотъ человекъ, который ужьль бы заглянуть въ прошлое и узнать изъ него о вѣрныхъ способахъ къ исправленію и сокращенію о старыхъ грѣхахъ, гдѣ этотъ человекъ, который внушалъ бы нравственность и все то, что должно служить цѣлью и средствомъ карательныхъ учреждений? Таковыхъ на каторгѣ не полагается вовсе. Бываютъ зачастую только такіе, для которыхъ эти высокія цѣли совсѣмъ не понятны или вовсе не доступны, особенно, если остановились на дальнихъ мѣстахъ заточенія, каковы интересующіе насъ нерчинскіе рудники и заводы. Бывали тамъ и совсѣмъ безнадежные люди, о которыхъ архивныя дѣла и народная память сохранили такіе факты.

Вотъ два архивныхъ и судебныхъ факта, которые нарочно мы беремъ изъ двухъ, весьма отдаленныхъ одинъ отъ другого заводовъ. Между обоими событіями легко разстояние 20-ти лѣтъ.

Въ Дучарскомъ заводскомъ госпиталѣ умираетъ казакъ Ослоповъ и желаетъ видѣть священника. Горный унтеръ-офицеръ побѣждалъ за послѣднимъ. Священникъ находился въ домѣ рудовога Московскаго и былъ пьянъ.

Унтеръ-офицеръ Калашниковъ подошелъ подъ благословеніе и сказалъ:

— Ступай, батюшка, я за тобой пришелъ! у насъ больной есть и умираетъ, а ты пьянствуешь.

— Я и самъ боленъ, — отвѣчалъ батюшка:— и не иду. Ты ступай за гындыбойскнмъ попомомъ, а я еще не явился въ команду и идти надобности не имѣю.

— Какъ не идешь, я и за волосья потану, такъ какъ въ нашемъ мѣстѣ вашу братью, поповъ, бьютъ, не спрашиваютъ.

Священникъ, вставъ съ мѣста „непримѣтно, чтобы былъ довольно пьянъ“, говоритъ Калашникову:

— Когда имѣешь волю бить, такъ бей же! И легь на лавку, говоря:

— Вишь, я боленъ, у меня душа выходитъ. Священникъ, однако, въ госпиталѣ былъ и больного исповѣдывалъ, но, произнося три раза слова: „прощаю и разрѣшаю“, три раза ударялъ больного палкою.

Больной умеръ, а дѣло было перевѣдываемо подъ присягою.

Въ Петровскомъ заводѣ, въ праздничный день, приходитъ священникъ служить заутреню, шатаясь во всѣ стороны. Причетники старались его отклонить отъ служенія, „однако, отворотить отъ того никакъ не могли“. Попавъ въ алтарь и возложивъ на себя эпитрахиль и самую

лучшую ризу, онъ растворилъ царскія врата, сдѣлалъ начало, но „засимъ, въ виду довольнаго числа предстоящихъ мужского и женскаго пола мирянъ, не могъ сказывать эктениі, потому что былъ въ хмѣльномъ положеніи. За всѣмъ сямъ, при неоднократныхъ выходахъ изъ алтаря, въ бывшемъ на немъ облаченіи, валялся по полу церкви, такъ что мы неоднократно онаго поднимали и вводили въ алтарь, упрашивая, дабы онъ оставилъ дѣйствіе служенія“. Священникъ не согласился и вслухъ всѣхъ предстоящихъ дьячковъ ругалъ „плошадными ругательствами“, затѣмъ снялъ ризу, вышелъ изъ алтаря въ церковь „къ мирянамъ и погналъ всѣхъ вонъ; между тѣмъ, бывшая пожилыхъ лѣтъ старушка Московчиха, по описанной старости нѣсколько отъ прочихъ пріостановилась въ церкви; упоминаемый же священникъ, замѣтивши оную, бросаясь къ ней, выговарялъ изъ церкви съ причиненіемъ ей удара. Послѣ же всего онаго, упавши на амвонъ, уснулъ. Почему мы, тогда распорядясь, послали въ квартиру его за лошады; по приводѣ же оной, мы, взявши того священника подъ руки, вывели изъ церкви, положи въ пошеви и отправили въ его квартиру“.

А вотъ и тотъ фактъ, который сохраненъ народною памятыю.

Въ Акатувъ жилъ спущенный съ цѣпи извѣстный бродяга и большой алодѣй Филипповъ—человѣкъ невысокаго роста, худощавый, сугорбый, но обладавшій необыкновенною силою. Выраженіе лица его отличалось чрезвычайною скромностыю. Говорилъ онъ всегда тихимъ, вкрадчивымъ, богомольнымъ голосомъ. Самъ себя называлъ неумытнымъ грѣшникомъ, молился всегда горячо, обливаясь слезами. Когда усиливалась его набожность, знавшіе и привыкшіе къ нему боязливо присматривали за нимъ съ вѣрнымъ расчетомъ на то, что Филипповъ таитъ на умѣ что нибудь недоброе, прячетъ какое нибудь звѣрское или злодѣйское намѣреніе. Разъ, въ такомъ настроеніи, онъ пошелъ на испытаніе и соблазнъ священника, такъ какъ по званію „пропитаннаго“ гулялъ уже на свободѣ послѣ акатуевской стѣнной цѣпи.

Явился онъ съ низкими поклонами и, сложивъ на груди преступныя руки, своимъ обычнымъ набожнымъ голосомъ выразилъ раскаяніе, желаніе исправленія и поученія. Священникъ обратилъ на него вниманіе, сталъ говорить и слушать.

— Одно,—говорилъ ему Филипповъ:—одно мѣшаетъ моему примиренію съ Богомъ, я знаю дьявольскій секретъ удвоить всѣ твои деньги, какія имѣешь. И забыть его не могу и жжетъ онъ мнѣ и мозги и внутренности.

Секретъ этотъ Филипповъ повѣдалъ. Исполненіе секрета требовало кое какихъ рѣшитель-

ныхъ мѣръ: надо было на цѣлую ночь положить на себя заклітіе, лечь спать, не молившись Богу, и снять съ шеи крестъ; деньги положить подъ подушку и въ постели лежать не шевелиться. По утру деньги найдешь удвоенными.

Священникъ, рассказываетъ народная молва, соблазнился; легъ попытать счастья и поутру вынулъ вмѣсто пяти рублей десять. Филипповъ сдѣлался другомъ. О нравственныхъ поученіяхъ перестали и думать и говорить. На деньги охотились еще раза два: чертъ хорошо служилъ свою службу, производя по ночамъ свои коммерческія операціи. Рѣшились положить подъ подушку всѣ триста рублей. Филипповъ, по обыкновенію, сунулъ бумажку съ заклітіемъ подъ подушку, но на этотъ разъ деньги прилипли къ его рукамъ и онъ пересталъ показываться въ домѣ священника. При встрѣчѣ на улицѣ отговаривался тѣмъ, что рано-де всталъ и погѣшалъ черту, а при угрозахъ и самъ пригрозилъ архіерею. Чиновники, въ свою очередь, посоветовали махнуть рукою на мошенника и никогда съ нимъ больше не связываться.

Эта недавняя и, въ то же время, свѣжая легенда, еще владѣвшая возможностью и правомъ указывать на лица, называть имена и мѣста дѣйствія, заключаетъ собою весь рядъ данныхъ о взаимныхъ отношеніяхъ духовныхъ лицъ къ сemyльнымъ, отношеніяхъ, въ которыхъ много матеріальнаго, но мало духовнаго. О другихъ мы не рассказываемъ теперь по недостатку мѣста и неудобству, но еще не слышать было ни объ одномъ такомъ случаѣ, гдѣ бы участіе священниковъ благотворно поддѣйствовало на обращеніе и исправленіе сemyльныхъ. Вмѣсто того, въ архивныхъ дѣлахъ то и дѣло получались свѣденія о томъ, что въ такомъ-то заводѣ двое сemyльно-каторжныхъ духоборцевъ обратили въ свою вѣру сemyльно-каторжнаго православнаго; тамъ скопцы оскопили нѣсколько человѣкъ изъ прихожанъ несмысленныхъ; здѣсь замѣчено, что многіе изъ православныхъ, чтобы избѣжать говѣнія и исповѣди, нарочно сказывались старообрядцами. Столь обычное дѣло въ Россіи здѣсь выразилось тѣмъ же исходомъ: удиченные охотно платили денежные штрафы, но отъ церковныхъ обрядовъ уклонялись, не будучи вовсе старовѣрами. Не способные оправдаться при помощи взятки, по русскому обычаю, за Байкаломъ подвергались наказанію строгою эпитиміею: ихъ ставили на колѣни въ церкви, держали ихъ въ приторѣ, на паперти; въ случаяхъ упорства ссылали въ монастыри на сроки. Дѣла живыя не поправлялись, потому что и архивныя съ поразительною ясностью продолжали указывать на то, что вотъ надзоръ за отступниками вступилъ въ обычную и привычную колею

равнодушія, а между тѣмъ, ссыльный подъ рукою крестить бурата и становится субъектомъ цѣлаго судебного разсказа, подъ заглавіемъ: „О ложномъ крещеніи ссыльнымъ Орловымъ братскаго Даримова“. Въ силу попуженій, адресованныхъ издалека и подтвержденныхъ вблизи, началась усердная систематическая дѣятельность на пользу православія; горное начальство рѣшилось показать образцы и способы пропаганды своему духовенству, само принялось за странникоу—и, вотъ, въ архивѣ слѣды этого дѣла въ жалобахъ на крутыя вѣры и въ рапортѣ разсказъ одного пристава о томъ, что такая-то женщина, изъ раскольницъ, съ сыномъ перерѣзала себѣ горло. Когда возникаетъ вопросъ о томъ, что это за вѣра, за которую ссыльные рѣшаются на самоубійство?—мѣстное духовное начальство, по собранымъ справкамъ у знающихъ людей, свѣдѣтельствовало свои знанія и рекомендовалось ими передъ горнымъ начальствомъ и передъ потомствомъ такою краткою историческою запискою (сохранившеяся въ архивѣ нерчинскаго Вольскаго завода):

„Содержащаяся ими секта разнится отъ греко-россійской церкви въ сложеніи креста, съ малою переменою въ словахъ при церковномъ служеніи. Въ житіи же происходятъ такъ, что у нихъ, по неизмѣннѣ въ этой сектѣ священниковъ, рождающимся младенцамъ имена нарекаютъ и погруженіе, подобно крещенію, дѣлаютъ иногда бабки, а иногда и грамоту разувѣющіе старики, а когда случаются той секты священники, то оны дѣлаютъ муромованіе“. И только!

Если удивятъ такіе невѣдомые, словно изъ-подъ земли вышедшіе люди (какъ поступили, напр., казаки, сосланные изъ уральскаго войска), удивятъ и обидятъ болѣе рѣзкимъ и крайнимъ упорствомъ (не позволяютъ стричь волосы и бороду, не пойдутъ на работу)—ихъ исправляли кнутомъ, давали удары десятками. На этомъ же кнутѣ ѣхали и дальше: одинъ и послѣ наказанія готовъ „ляшиться жизни, но въ работѣ не быть“, его снова подвергали наказанію: два раза плетью и два раза кнутомъ. Кто упорствовалъ и послѣ того, тѣмъ полагали „ограниченную дачу провіанта, достаточную только для поддержанія жизни“, и учреждали надзоръ, чтобы ни отъ кого пособій со стороны ни получали. „Успѣху не было“—сокрушалась нерчинская горная экспедиція *).

*) Въ 1775 году яцкіе казаки, приверженцы Пугачева, разселены были по разнымъ мѣстамъ Забайкалья: наиболѣе виновные и упорные при заводахъ и рудникахъ на каторгѣ, остальные на поселеніи въ деревняхъ. Такъ, между прочимъ, въ Газимурской сотнѣ (въ деревнѣ Калгинской) поселены были 32 челобѣка. Каждому выдано было отъ казны на покупку лошадей по 5 руб., а начальникамъ велѣно наблюдать, чтобы

За Байкаломъ существовала на англійскія деньги великобританская миссія, направленная противъ язычниковъ и жившая въ Селенгинскѣ. Существуетъ тамъ же, въ Посольскомъ монастырѣ, на русскія деньги православная миссія для обращенія въ христіанство мѣстныхъ бурятъ; но миссія, направленной на помощь и содѣйствіе ссыльнымъ, для поученія и исправленія заключенныхъ, еще не было и въ проэктѣ. До тѣхъ поръ тѣ, которые прегрѣшили противъ вѣры и за эти преступленія сосланы въ Сибирь, продолжали жить тамъ предоставленными самимъ себѣ и если оставались и здѣсь при старомъ—при полной возможности пуститься на другія и новыя преступленія, то зачѣмъ они здѣсь? Зачѣмъ въ Россіи всѣ разнородные виды противорелигіозныхъ дѣяній сведены безразлично въ одну категорію?

На каторжныхъ работахъ, само собою разувѣется, преступниковъ противъ вѣры не различали отъ убійцъ и грабителей, не имѣя на то никакого права, а за тѣмъ, сообразно съ такимъ взглядомъ, и трактовали этихъ людей.

Для полноты картины, перенесемся изъ Восточной Сибири въ Западную и, для характеристики отношеній старообрядцевъ къ мѣстному духовенству и наоборотъ, остановимся на тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преимущественно распространена старая вѣра въ близкомъ соудствѣ съ уральскими заводами и Россіею. Эта мѣстность, ограниченная на востокѣ Варабинскою степью, на югѣ Киргизскою и терпящая границы на западѣ въ пространствахъ Россіи, представляетъ собою непрерывную цѣпь населенія, придержавшагося стараго креста и доиконовскихъ церковныхъ обрядовъ. Въ ней расколъ почти столько же древнѣ, какъ и въ самой Москвѣ. Въ деревнѣ Лепехинкой, Ялугороваго округа (Ингалинской вол.), до сихъ поръ молитвенный дождь старовѣровъ въ рукахъ потомковъ извѣстнаго въ исторіи ссыльнаго стрѣльца Якова Лепехина. Церковь эта была небольшая ветхая избушка, возбуждавшая сильное археологическое подозрѣніе на ту, въ которой молились древніе стрѣльцы. Стояла она въ глубокой, съ трудомъ проникаемой тѣни нѣ обывательскихъ домовъ. Внутренность ея представляла нѣчто необыкновенное по богатству окладовъ образовъ, которыми уставлена была избушка сверху до низу въ два яруса, вредѣ иконостаса. Иконостасъ этотъ, по обилію иконъ древняго пошиба, въ глазахъ старовѣровъ представлялся громаднымъ сокровищемъ, не имѣвшимъ даже цѣны. Деревушка, сохранившая за собою имя своего древняго основателя, населена крестьянами-поповцами, носящими въ Сибири у своихъ названіе „стариковщины“, у постороннихъ извѣстныхъ подъ об- казаки лошадей непременно купили (дѣло Нерч. Вол. Зав. 25 мая 1776 года).

щимъ прозваніемъ „кержаковъ“, — прозваніемъ, приписываемымъ всѣмъ старовѣрамъ за то, что, большею частью, они имѣли сношенія со скитами рѣки Керженца (съ керженецкими поповцами Нижегород. губ., Семеновскаго уѣзда). Приняли они сюда съ Урала, изъ тамошнихъ заводовъ, какъ бѣгле отъ тяжелыхъ работъ, а здѣсь и сейчасъ всѣхъ старовѣровъ зовутъ также „кержаками“, уже по прямому указанію на извѣстный притокъ Волги.

Во всей западной половинѣ Сибири, по рѣкамъ Иртышу, Ишиму и Тоболу, гуще другихъ населенной, общественное мнѣніе и свидѣтельства крестьянъ указываютъ на поселенцевъ, сосланныхъ за религиозныя мнѣнія, какъ на совратителей. Хотя еще до сихъ поръ не изобрѣтены средства узнавать, кто кого совратилъ, и хотя, само собою разумѣется, прямой путь — нападать на невинныхъ (путь, которымъ привыкли ходить и въ Сибири), тѣмъ не менѣе, поселенцы завинаются первыми. Въ особенности пользуются успѣхомъ, говорятъ, тѣ изъ нихъ, которые перечислены изъ Восточной Сибири въ Западную, а между ними наибольшую склонностью къ пропагандѣ отличаются филиппоны и еедосеевцы. Увѣренно наслѣженныхъ оказалось немного: извѣстенъ Плотииковъ, вѣнчавшій сводные браки. Его приговорили въ ссылку и сослали въ Кайнскъ; онъ не унялся — услили дальше. Онъ дѣлалъ своды священническимъ вѣнчаніемъ. Послѣ него стали сводить родительскимъ благословеніемъ съ прочтеніемъ молитвъ и съ возложеніемъ на главы иконы. Другой передъ смертью завѣщалъ раздать своимъ единовѣрцамъ 25 тыс. руб. сер. Изъ другихъ совратителей извѣстны: солдаты Кайгородовъ и Колмаковъ, влияние которыхъ выразилось въ молитвенныхъ пріемахъ. На молитвѣ стали становиться правильными рядами или шеренгами, поклоны начали класть не врозь, но желанію, а всѣ разомъ по уставу и по образу „полета птицъ, дѣлающихъ взмахъ крыльями передъ небеснымъ Царемъ вдругъ, или, подобно метанью ружья солдатами, передъ царемъ земнымъ“. Кромѣ архіерея, жившаго въ 15 верстахъ отъ Оренбурга, старовѣры пользовались влияніемъ даже одного изъ ссыльныхъ поляковъ, умѣвшаго разыгрывать роль старовѣрскаго наставника и попа, нажившаго такимъ способомъ большія деньги. Этотъ полякъ (старовѣрскій попъ) былъ сосланъ въ сибирскіе батальоны за участие въ революціи 1831 г. и такъ ловко поддѣлался къ старовѣрамъ, что они деньгами купили для него увольненіе отъ военной службы. Въ странѣ, гдѣ издревле религиозный фанатизмъ былъ такъ великъ, что велъ къ самоожженіямъ (по Тобольской губ. извѣстны 33 случая, изъ которыхъ первый принадлежитъ 1682 году, а послѣдній 1828), въ странѣ, гдѣ всѣ мѣстныя условія благопрі-

ятны свободѣ ученія, старообрядство воспользовалось значительными успѣхами (см. статью „Самоубійства“). Успѣхи до того были примѣтны, развитіе въ Сибири раскола такъ сильно, что съ 1831 г. прекратили туда ссылку преступниковъ противъ вѣры и сбили счетъ. Участіе духовенства въ этомъ отношеніи, именно здѣсь, выразилось чертами характерными и доказанными.

Прежде всего, положеніе среди двухъ огней, изъ которыхъ одинъ больно жегся, другой пріятно грѣлъ, всегда ставило и сибирское духовенство въ тѣ ложныя условія, при которыхъ выходило одно изъ двухъ: или мало пишешь бывшихъ на исповѣди — значить, нерадивъ, небрежешь объ овцахъ, не миссіонерствуешь, а за это — архіерейскій выговоръ, замѣчаніе, штрафъ, вызовъ въ консисторію для личныхъ объясненій; или пишешь не бывшихъ бывшими, некрещенныхъ крещенными — стало быть усердіе есть; виновные доносить не умѣютъ и, на мѣсто доносовъ, привыкли платить приносами, т. е. хлѣбомъ и деньгами; практика извѣстная, освященная вѣковыми опытами. Въ 1751 году въ селѣ Кармеекомъ сошлись 25 человекъ крайнихъ фанатиковъ еедосеевскаго толка, которые оказались въ приходскихъ книгахъ всѣ записанными въ православіе, бывшими на исповѣди и у св. причастія. Не такъ давно умеръ священникъ, отправившій въ банкъ 36 т. р. асс., и крестьяне объясняютъ гласно оба эти яркія явленія тѣмъ, что за дозволеніе не быть у исповѣди платятъ по 1 руб. за душу и что бывали примѣры, когда священники продавали право перехода изъ православія въ расколъ за такое ничтожное вознагражденіе, какъ, напр., фунтъ чая. Процедура въ послѣднемъ случаѣ была обычная: православный крестьянинъ пересталъ ходить въ церковь и на исповѣдь — священникъ доносилъ объ этомъ. Назначалось слѣдствіе. Отступника вызывали на увѣщаніе или улещаніе (какъ крестьяне привыкли выражаться); въ духовномъ правленіи онъ устанывалъ на своемъ. Совѣщательный комитетъ, по закону, отдавалъ его затѣмъ на увѣщаніе мѣстному священнику, тому самому, съ которымъ уже сдѣлана сдѣлка. Увѣщатель писалъ начальству своему: „непреклоненъ“. Число остальныхъ древняго благочестія увеличивалось. Новопробылые самодовольно говорили всѣмъ: „Хоть и дорого встало, да за то ужъ теперь спокоенъ“. Православному священнику оставалось наблюдать только за тѣмъ, чтобы отбывшаяся отъ стада овца не сдѣлала „внѣшняго оказательства“. Конечно, она этого не дѣлала, никогда и ни за что этого не дѣлала.

Лѣтъ 40—45 тому назадъ, въ этомъ краю, гдѣ, по народному выраженію, „попятъ многіе, но поповъ мало“, гдѣ народъ давно выговорилъ, что „не бѣжить церкви, а бѣжить свя-

щенниковъ“, извѣстенъ былъ между послѣдними одинъ такой, который никогда не служилъ обѣднѣ, а развѣ только отъ скуки часы или вечерню и за котораго все правила причетники. Бывало и спросятъ прихожане: „Будетъ ли обѣдня?“ и довольствуются такимъ отвѣтомъ: „Обѣдня не будетъ, мы старенькую разогрѣли и ужъ кончили“. Этого попу продалъ или, лучше сказать, пропилъ весь свой приходъ и отписывалъ въ расколъ за полуштофъ. Другого разжаловали въ причетники за то, что онъ, ходя на Пасху мимо раскольниковыхъ избъ, бросалъ къ нимъ на дворъ черезъ заборъ крестъ, заводилъ ссоры, грозилъ доносами, бралъ отступное. Крестьяне, какъ извѣстно, не оправдывающіе въ своихъ пастыряхъ только запоевъ, охотно прощаютъ подгулы. „Почему и попамъ не подгулять, человекъ есть; напился, надурилъ—приди, извинись передъ старшими и младшими, попроси молитвъ, ала не попомнимъ“. Но гдѣ же у крестьянина силы примиряться съ тѣми, которые, нося въ глазахъ бревна, сидятъ у другихъ спицы, и выносить тѣхъ, которые являются въ тѣсномъ деревенскомъ кругу присяжными врагами, доносчиками и вымогателями? Одинъ, напр., единовѣрческій священникъ больше ничего и не дѣлалъ, какъ только подсматривалъ: не тайнодѣйствуютъ ли? Замѣтивъ, онъ вторгался въ избы, вымогалъ отступное. Гдѣ не смогъ самъ, туда приглашалъ засѣдателя, общалъ ему 300 руб. сер. наживы. Другой (православный) служилъ только разъ въ году на Пасху. Къ третьему, который едва 5 разъ въ году правилъ службу (утреню, часы и вечерню), въ 1860 г. собрались на любимыя сибирскимъ народомъ „водокрещи“ (въ крещенье), а попа и дома нѣтъ, уѣхалъ въ дальнія деревни за поборомъ; на перваго Спаса въ 1861 г. сдѣлалъ то же. Собравшіеся подождали и уѣхали съ ропотомъ, тѣмъ болѣе сильнымъ, что вообще сибирскіе люди на церковную молитву не охотливы, а считаютъ важными и серьезными только молебны: Богородицѣ, Николѣ, Власію и Модесту, Ильѣ пророку, а въ особенности любятъ молебствія на поляхъ и принятіе въ дома иконъ на Пасху. На такія непрязательныя народныя требованія не такъ давно имѣлись такіе священники, которые вовсе не были грамотными: либо не доучившись, живя въ глуши, позабыли все, либо прямо изъ причетниковъ посвящены были въ пасторскій санъ. Люди эти стараго закала стали переводиться, но, тѣмъ не менѣе, являются еще противниками и недоброжелателями молодого поколѣнія и новыхъ священниковъ. Эти выразились для крестьянъ, хотя и въ новыхъ формахъ, но, тѣмъ не менѣе, не въ идеальныхъ. Крестьяне жаловались на ихъ грубое обращеніе, на гордость, „чехвальство“, на то примѣненіе высшихъ семинарскихъ взглядовъ, которое выражается презрѣніемъ

къ неграмотному люду. Крестьяне предпочитали имъ стариковъ уже по тому одному, что старые были обходительны, привычны и, стало быть, уступчивы. Молодые попы на первыхъ же порахъ оказывались бранчивыми и крутыми. Отъ тоски ли по городѣ стали они раздражительными, отъ униженія ли средою стали обидчивыми, прихожане этого не разбирали; о старыхъ полахъ тосковали, о новыхъ рассказывали, что одинъ во время крестнаго хода курилъ папирсы; другой, при всякой встрѣчѣ, ругался, при всякомъ дѣлѣ и заказѣ капризничалъ; третій за исправу требъ, чтобы слишкомъ не беспокоиться, положилъ большую плату. По этой самой причинѣ отъ этого послѣдняго прихожане стали ѣздить къ единовѣрческому попу, который за свадьбу бралъ довольно дешево, нестѣснительно, всего три рубля, а не красную. Другой (съ неодолимою привычкою къ табаку) какъ разъ очутился въ гнѣздѣ раскольниковъ, гдѣ, съ подстриженными усами, казался человекомъ и безъ того немилымъ, да кстатѣ нѣсто принялъ отъ такого, который во время службы нюхалъ табакъ на всю церковь. Молодые попы сердились на мужичье невѣжество, презирали крестьянъ, а сами, въ то же время, исполняли только обряды (и, надо сказать, аккуратное старыхъ): окрестить, похоронить, исповѣдуетъ, повѣнчаетъ, а о назиданіи нѣтъ и помину (и сами никакихъ книгъ не читали). Подъ носомъ у такихъ издавна приладили наставники, начетчики—старобрядцы. У раскольниковыхъ стариковъ первое дѣло, какъ извѣстно, назиданіе, публичное чтеніе книгъ: Маргаритъ, Ефремъ Сирійскій, псалтырь старопечатная и проч. живое и упрощенное толкованіе; „въ моленной избѣ посидѣть любо, и навадыхаешься до самаго доушка сердца, и всплакнешь не одинъ разъ у хорошаго и дотошняго наставника“. Сводили молодые попы дружбу съ засѣдателями, съ этими вѣдомыми охотниками на раскольниковъ, какъ бы на какую вкусную птицу либо жирную рыбу*). Многіе изъ молодыхъ по старому за ними погнались: при обыскахъ ходили съ понятиями и положили уже на себя въ народѣ гудую славу. Многіе убереглись отъ преслѣдованія потому только, что засѣдатели умѣли прикрывать дѣла. Старые порядки остались на томъ же положеніи: старовѣры женятся и „сводятся“ (свободнымъ, гражданскимъ бракомъ) съ православ-

*) Въ 1852 году ген.-губ. Западной Сибири вынужденъ былъ формально запретить чиновникамъ ходить по старовѣрскимъ домамъ облавою ночью или вмѣшиваться въ дѣла раскольниковъ, отбирать книги и проч. Но это не остановило: чиновники продолжали впутываться и исправники, напримѣръ, по прежнему получали 500 р. за каждый молитвенный домъ. Одну начетницу довели до истерической непоправимой болѣзни заточеніемъ за то, что въ стариковщинѣ (поповщинамъ) читала каноны за едино-умершаго и за умершихъ.

ными, и если раскольника попал в домъ къ православному, въ семьѣ рѣдко кто устанвалъ.

Уходили въ расколъ, между прочимъ, отъ тяжести общественныхъ должностей: смоленскимъ выселенцамъ велѣно было участвовать въ постройкѣ церкви,—они объявились раскольниками. Псковскіе переселенцы (изъ Великолукскаго уѣзда), съ начала водворенія, будучи раскольниками на родинѣ, объявились въ Курганскомъ округѣ православными всѣ, за малыми исключеніями; когда въ 15 лѣтъ успѣли приглядѣться къ сибирскимъ порядкамъ, они сказались старовѣрами, отстали отъ церкви и всѣ ушли въ расколъ. Когда въ деревнѣ Мальцевой (1756 г.) приготовившіеся къ самоожженію (ушедшіе въ ямки—по туземному выраженію) долго раздумывали и успѣли явиться увѣщатели, крестьяне требовали: уговорить священника не брать поборовъ, смѣнить начальство за то, что отрывало отъ земли и мучило на работахъ, заставляя строить дощаники и возить хлѣбъ въ дальнія мѣста. Они говорили, что раззорены такъ, что не мила жизнь, что словамъ чиновниковъ не вѣрятъ и боятся расположиться на нихъ. Какъ ихъ ни увѣщевали потомъ, они все-таки подождлись; одного обгорѣлаго успѣли выхватить изъ огня, вылечить, посадить въ острогъ, заковать въ кандалы и отдать на судъ свѣтской власти. Въ то же время 600 человекъ изъ Верхъ-Исетскаго завода и 300 изъ Екатеринбургскаго вѣдомства бѣжали въ Польшу. При 9-ой ревизіи съумѣли схватить уважаемыхъ миромъ, зажиточныхъ людей 12 человекъ, отправить въ этапный казематъ, тамъ желѣзными цѣпями приковать къ столбамъ, оттуда отправить въ Тюмень на увѣщаніе; при этомъ вели по городу съ обрѣтыми половинами головъ, въ домахъ оставлены были только малыя дѣти. Этотъ казусъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что многіе православные поспѣшили обратиться въ расколъ. Въ 1860 году изъ разныхъ волостей Тюменскаго округа крестьяне съ семействами, въ количествѣ 519 душъ, подали просьбу по начальству объ отпискѣ ихъ въ расколъ; до того времени всѣ они числились православными. Тюмень застроилась было каменными церквами, свидѣтельницами усердія жителей къ православію, но иконостасы почернѣли, церковныхъ капиталовъ не стало, все обвѣтшало. Народъ ушелъ въ расколъ и причетники не такъ давно ставали въ рубищахъ на перекресткахъ. Появились новые священники—все стало поправляться и умѣнья и усердія явилось больше.

Сводные браки, вообще, не прочны: ктонибудь изъ сведенцевъ непременно нарушитъ контрактъ и потребуетъ новаго свода, а съ нимъ калыма и новыхъ расходовъ. Теперь многіе стали прибѣгать къ вѣнчанію въ православныхъ и, разумѣется, чаще всего въ единовѣрческихъ цер-

квахъ. Послѣ того немудреная неправда: нѣскольکو лѣстовокъ (лѣстовка—сто поклоновъ), очистительныя молитвы и—дѣлу конецъ. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ не велѣно считать такихъ браковъ законными, но сведенцы отвѣчали: „Пожалуй, не считай; мы и такъ живемъ и проживемъ“, а своды усилились до высшей степени.

Архіерей Георгій велѣлъ именовъ раскольниками всѣхъ, не бывшихъ на исповѣди. Столначальникъ консисторіи показавъ эту резолюцію раскольникамъ и слухъ проникъ глубоко. Захотѣли отписаться и православные, придерживавшіеся раскола, и для того рѣшились подать о себѣ особыя ревизскія сказки. Въ 10-ти волостяхъ заварилась каша: писаря помогали, а земское начальство поощряло. Нарядили слѣдствие: виновныхъ посадили въ острогъ, нѣкоторые тамъ умерли; другихъ лишили правъ состоянія и сослали въ Восточную Сибирь; остальныхъ съ рукъ сошло.

По отношенію къ высшимъ духовнымъ властямъ, у старовѣровъ остались въ воспоминаніи только мимолегныя проѣзды владыкъ и ихъ поѣзды со свитою, напоминающіе древніе воеводскіе поѣзды съ челядью, которая хватала по дорогѣ серебряныя ложки, скатерти со стола и все, что ни попадало подъ руку. „Да и ставеть ли владыка (говорили крестьяне) привѣщать священника къ мужику, а тѣмъ цуде мѣнять его на старовѣра? Такимъ образомъ, обязаные „вѣдать вся да всяко нѣкія спасуть“ не вѣдали и не хотѣли вѣрить, между прочимъ, такимъ несомнѣннымъ даннымъ.

Въ бытописаніяхъ тобольскаго лѣтописца сохранился, между прочимъ такой оригинальный типъ. Въ началѣ прошедшаго вѣка въ Тобольскѣ, въ Знаменскомъ монастырѣ, жилъ архимандритъ Порфирій, происхожденіемъ изъ подъячичъ. При монастырѣ состояли крестьяне, платившіе вмѣсто сдѣлокъ (задѣля) деньгами. Порфирій уговаривалъ ихъ дать подписку въ томъ, что они, за скудостью денегъ, пришли въ изнеможеніе и что, вмѣсто денегъ, желаютъ производить платежи сдѣлками. „Недомышленный народъ переменялъ свою бѣду на напасть“, замѣчаетъ нашъ лѣтописецъ. Архимандритъ накладывалъ сдѣлки дровами, бревнами, сѣномъ, круглымъ лѣсомъ и тесомъ. Монастырь началъ богатѣть. Для вышшаго успѣха Порфирій прикармливалъ и одаривалъ подъячичъ, а черезъ нихъ клязмы достигъ до того, что выбылыхъ по указамъ крестьянъ и бобылей, какъ изъ крестьянства, такъ и изъ ямщиковъ, многихъ людей, по прежнему обратилъ въ монастырскіе служители и, конечно, раззорилъ. „Самъ же жилъ въ монастырѣ роскошнымъ и полноправнымъ помѣщикомъ, мало того—сибаритомъ: умывался кипяченою и процеженною сквозь полотно водою; отъ кельи до церкви, внутри монастырской ограды, и до другихъ покоевъ ѣздилъ на лошади въ эки-

нажѣ, хотя бы то было и въ лѣтнее время. Подражая древнихъ отецъ, въ кушанье пекли ему хлѣбъ ячменный, а ячмень ему чредили, по его приказу, крестьянскія жены и ихъ дочери, такъ что у всякаго зернушка ячменнаго оскабливали скорлупу ножичками и такъ чистенныя зерна мололи на нарочно на то построенныхъ мельницахъ и всякій день готовили ему хлѣбцы и булки новые и свѣжіе; варили ему рыбу живую, дѣлали кашпу изъ топленнаго молока со снятыми гвѣнками“. Раззоренные имъ до тла крестьяне подали на него челобитье въ губернскую канцелярію. Канцелярія рѣшила: главныхъ челобитчиковъ выбить кнутомъ, вырвать имъ ноздри и 50 человекъ послать на каторгу, изъ остальныхъ 300 старшихъ десятого наказать кнутомъ, а прочихъ, по состоянію ихъ лѣтъ, бить плетью и батожемъ. Битые крестьяне вырыли для монастыря пруды и построили мельницы. Въ пруды архимандритъ напустилъ рыбы и кормилъ ее печенымъ хлѣбомъ, но рыба вся поколѣла и выплыла на поверхность воды. Въ Тобольскѣ отгородилъ онъ себѣ большое мѣсто, стѣснивъ сосѣдей, и еще больше стѣснилъ крестьянъ, вытребовавъ ихъ вновь на житье въ монастырь. Такія дѣла дошли до вѣденія синода. Порфирія перевели въ Тюмень, въ Троицкій монастырь. Здѣсь онъ началъ творить то же, „но“ — говорить лѣтописецъ:— „умножившаяся въ немъ болѣзнь и скорбь, отъ печали и стыда бываемая, не допустила его до дальнихъ предприятий и тягостью своею ввергнула во изступленіе ума, да къ тому и смерть не преминула употребить свои наблюденія. Притомъ она, опасаясь столь хитраго политика и приказнаго происка, чтобъ какими небудь приказными крючками не могъ ее довести до дальнихъ волокиты, не опуская времени, изъ знатной себѣ такой добычи, изъ своихъ рукъ сей жизни лишила его“. Про другого троицкаго архимандрита, управлявшаго духовенствомъ до 1835 г. (Амвросія), рассказываютъ рядъ разныхъ анекдотовъ, дебешей; шлѣ онъ мертвую *). Съ третьимъ архимандритомъ (Іоакимомъ, въ Пыскорскомъ монастырѣ) раздѣлялись самосудомъ — убили. Въ убійствѣ оказались виновными, въ одинаковой степени, и монахи и монастырскіе крестьяне, не любившіе его за строгость. Дѣло произошло въ 1839 году. Курьезны при этомъ допросы.

*) Этого Амвросія разъ посылали увѣщевать со священниками, въ 1828 г., въ дер. Гилсу, гдѣ явились духоборцы (толковавшіе, что истинные поклонники поклоняются Богу духомъ и истиною). Амвросій, какъ пріѣхалъ, такъ и выпилъ, какъ выпилъ, такъ и началъ страшать острогомъ; когда острогу посмѣялись, онъ обѣщавъ разстрѣлять изъ пушекъ. Съ тѣмъ и уѣхалъ, захвативъ съ собою крестьянина Хохлова; 13 мѣсяцевъ прожилъ Хохловъ въ острогѣ и преговорень къ ссудѣ, но синодъ оставилъ его на мѣстѣ жительства.

доведившіе до сознанія: „Исправникъ принужденъ былъ употребить при томъ послѣднія средства, хотя было то съ закономъ и не согласно; не давъ ему, Фотіеву (болѣе другихъ подозрѣваемому), одуматься, толкнулъ его изъ присутствія въ прихожую по ватылку и въ оной принужденъ былъ употребить его нѣсколько по зубамъ, повторяя одинъ за другимъ удары, тѣмъ приведенъ будучи въ разстройку и не имѣя случая оправиться—сознался“.

Старовѣры всего края, примыкающаго къ Уральскимъ горамъ и прилежащаго къ Иртышу. Ишиму, Тоболу и прочимъ рѣкамъ — люди грамотные, начитанные, вообще трезвы, любятъ молиться, бесѣдовать и читать священныя книги; не любятъ общественныхъ забавъ, гулянокъ, масляничныхъ катушекъ, пасхальныхъ калачей и, особенно, игрищъ въ праздники. Молодежь хотя и любитъ выпить, но въ большіе праздники въ кабаки не ходитъ, пьетъ мимо праздниковъ. Въ праздники даже помочей не дѣлаютъ и, вообще, стараются не работать, а больше молиться, бесѣдовать и слушать писаніе. За пьянство и другіе грѣхи старики накладываютъ нѣсколько лѣстовокъ, отлучаютъ къ пищѣ, въ молитвѣ: ѣшь одинъ, молись послѣ всѣхъ. Раскольники люди богатые, они первые плательщики податей, первые помощники бѣдныхъ, помогаютъ милостынею и православнымъ (этѣмъ меньше, своимъ бѣднымъ больше). На слѣдствіяхъ, и безъ присяги, не кривятъ душою. Гостеприимны, какъ всѣ сибиряки, но честны и справедливы, какъ пріятное исключеніе. Всѣ старовѣры очень набожны, особенно старики: всякое домашнее дѣло начинаютъ молитвою. За обѣдомъ всякое блюдо встрѣчаютъ большимъ крестомъ и безъ креста не ѣдятъ ничего. Вставъ съ постели, кладутъ большой или малый началъ (судя по досугу); также вступаютъ и вечеромъ. На праздники и въ праздники молитвы неизбѣжны отъ стараго до малаго; праздничная служба совершается по книгамъ, а у кого ихъ нѣтъ, по лѣстовкамъ съ подручниками. Памятуя и уважая старину, въ праздники мужчины, обыкновенно, надѣваютъ кафтаны, женщины большіе платки и непременно сарафаны одного цвѣта, либо синяго, либо чернаго, но не пестраго (только савинская поповщина позволяетъ дѣвкамъ ходить въ молитвенные дома щегольски одѣтыми). Отъ православныхъ крестьянъ старовѣры, въ этомъ отношеніи, значительно отличаются и стоятъ далеко выше; во всѣхъ* толкаютъ строгое обязательство грамотности по часослову и псалтырю. Если нельзя выучить грамотѣ, непременно выучать молитвамъ. Изъ православныхъ рѣдкій читаетъ молитвы, у старовѣровъ всякій мальчикъ и дѣвочка знаютъ назусть такъ называемый малый началъ, другіе знаютъ и большой и много молитвъ. Поимъ у стариковъ

щны почти уже дряхлые старики, но трезвые и набожные. Начетчики у поморцевъ представляютъ собою классъ людей высоко нравственныхъ, внушающихъ къ себѣ полнѣйшее уваженіе; все это люди трезвые, разумные, умѣющіе найтись всюду, гдѣ нуженъ ихъ совѣтъ, и не медлящіе идти на помощь всюду, гдѣ въ ней нуждаются. Они—тѣ общественные избранники, народные друзья, тотъ идеалъ, къ которому непремѣнно должны стремиться священники, желающіе дѣйствовать на старовѣровъ и руководить ими.

Когда, въ 1762 году, Екатерина воспретила преслѣдованія, обложивъ старовѣровъ двойнымъ окладомъ, въ „старой Сибири“ многіе прибѣгали къ церкви по чистому сознанию, что безъ церкви нельзя и безъ таинствъ спасеніе невозможно. Они стали вѣнчаться, крестить, иногда исповѣдываться и даже погребать умершихъ близъ церкви. Потомки ихъ остались въ чистомъ православіи. Теперь, когда колебаніе старовѣровъ сдѣлалось примѣтнѣе, не утрачиваются надежды на то, чтобы способомъ постепенныхъ уступокъ поставить дѣло въ лучшее положеніе, чѣмъ нынѣшнее. Крутыя мѣры и рѣзкія требованія не только останавливали дѣло, но и поворачивали назадъ. Прямо и разомъ превратить старовѣровъ въ православныхъ еще никому до сихъ поръ не удалось, опыты постепеннаго обращенія въ Сибири вѣнчались кое-гдѣ успѣхомъ даже и въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ идетъ наша рѣчь. Тамъ сами старовѣры дѣлаютъ такое уподобленіе: „Разомъ въ церковь войти—это какъ бы на морозѣ раздѣться, искупаться и рубаху переменить!“ А потому нѣкоторые окрестить у попа

не прочь, но муропомазаніе уже затрудняетъ ихъ; исповѣдаться у хорошаго охотятся (и зачастую дѣлаютъ это тайно по ночамъ), но причаститься даже изъ рукъ трезваго, не курящаго, усовъ не подстригающаго священника очень трудно; разомъ всего не поднимешь. На православномъ кладбищѣ умершаго положить очень трудно, на своемъ, среди родичей, пріятно во все удовольствіе сердца. Крещеннаго и вѣнчаннаго попомъ, пожалуй, и поправлять не станутъ, если бы священникамъ, при погруженіи, позволено было держать младенца спиною къ востоку. При вѣнчаніи хожденіе кругомъ аналая супротивъ солнца—тоже крупное препятствіе: ноги не ходятъ. Двуперстное сложеніе, столь обширно распространенное, почти всеобщее по Сибири и въ сѣверной Россіи, желательно имъ видѣть и у православныхъ священниковъ. Одинъ священникъ шилъ эпитрахиль съ семью крестами и придѣлалъ къ требнику жѣдное распятіе,—стали ходить къ нему все старовѣры и прикладываться къ требнику, хотя и знали, что онъ недавняго синодальнаго изданія. Нѣкоторые уступками одинъ достигъ того, что изъ десяти лѣтъ исправилъ дѣло, испорченное его нетрезвыми и корыстолюбивыми предѣстниками: старовѣры стали снова прославными. Выборъ священниковъ, налюбленныхъ миромъ, является однимъ изъ вѣрныхъ и прямыхъ путей для выхода изъ запущенныхъ и запутанныхъ отношеній. Тогда не будетъ нужды прибѣгать къ составленію фальшивыхъ мирскихъ приговоровъ, какъ сдѣлалъ это, въ 1860 г. въ Тобольской губерніи, недостойный служитель алтаря, ссидившій съ мѣста того, которымъ всѣ прихожане были довольны.

Г Л А В А IX.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ КАЗНЫ.

Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ фальшивыхъ денегъ.—Мѣста и способы приготовленія.—Деньги въ шубахъ.—Венгерцы.—Лабзаны.—Знаменитый Цезикъ.—Его замѣчательное мастерство.—Политическія дѣла въ фабрикаціи ассигнацій за Байкаломъ.—Фабрикація фальшивыхъ документовъ; мѣста и лица.—Корчемники; корчемство виномъ и солью.—Контрабандисты.—Кража золота и серебра.—Кяхтинская, сибирская и русская контрабанда.

Покушенія на интересы казны (преступленія противъ имущества и доходовъ ея) выразились абсолютнымъ числомъ сосланныхъ въ Сибирь въ такихъ отношеніяхъ: самое большое количество жертвъ ушло за поддѣлку и переводъ ассигнацій и монеты, затѣмъ за корчемство виномъ и солью, потомъ за нарушеніе таможенныхъ постановленій (контрабанду) и, наконецъ, за похищеніе драгоцѣнныхъ металловъ

на заводахъ и промыслахъ (за кражу золота). Похищеніе и истребленіе казенныхъ лѣсовъ явленіемъ своимъ отдѣльною рубрикою въ сибирскихъ табеляхъ опоздало, а кража казеннаго имущества (облагороженнаго прозваніемъ „присвоенія и утраты вѣреннаго по службѣ имущества“) отнесена, вмѣстѣ съ подлогами по службѣ (мздоимствомъ и лихоимствомъ), въ отдѣлъ преступленій должностныхъ лицъ по